

ГОРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЦЫ

ВЪ

Черноморіи.

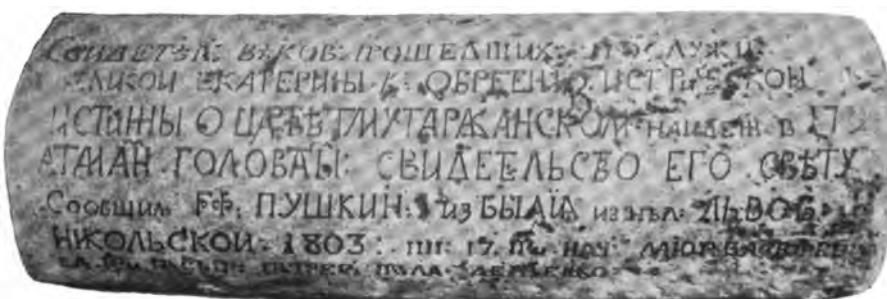
П. П. Короленко.

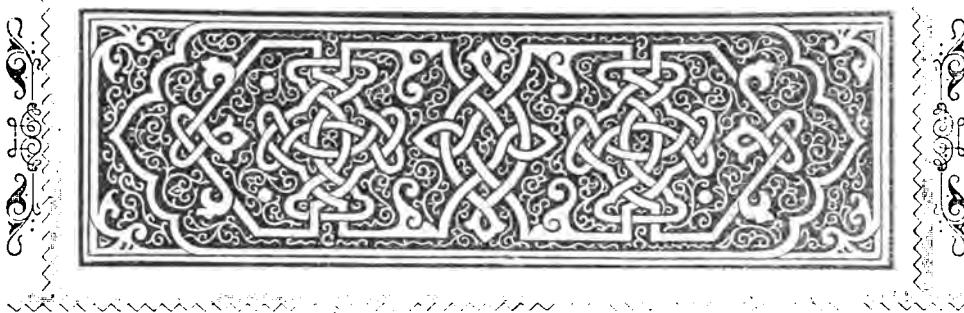


Гряевої Вулканъ Сопка Влевака
близь г. Тамани.



Видъ съ парома на скалу „Горячій Ключъ“.





ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

До сихъ поръ, на сколько мнѣ известно, никто еще не занимался изученіемъ этнографического состава населенія территории, простирающейся отъ береговъ Кубани до Чернаго и Азовскаго морей, и въ концѣ прошлаго столѣтія отданной во владѣніе Черноморскаго казачьяго войска. Кромѣ великоруссовъ и малороссовъ, входившихъ въ составъ этого войска, въ Черноморіи обитали и инородцы, главнымъ образомъ, черкесы и народцы татарскаго племени. Настоящую статью посвящаю ѣтимъ инородцамъ, ибо ихъ исторія, несомнѣнно, должна войти въ исторію Кубанскаго края.

Занимаясь долгое время пересмотромъ дѣлъ Кубанскаго войскового архива, я могъ собрать кое-какія свѣдѣнія о мусульманскомъ населеніи, жившемъ долгое время въ предѣлахъ Черноморіи. Изслѣдованія мои обѣ ѣтихъ поселенцахъ далеко не полны, но и то, не многое, что удалось мнѣ добыть изъ архивныхъ дѣлъ, можетъ послужить материаломъ для трудовъ будущаго изслѣдователя жизни населенія области.

I.

Гривенскій черкесскій аулъ.

По мирному договору между Россіей и Турцией, состоявшемуся въ Яссахъ 29 декабря 1891 года, рѣка Кубань была опредѣлена границей между обѣими державами. Въ то время на лѣвой сторонѣ этой рѣки жили черкесы разныхъ племенъ, считавшіеся подвластными турецкому султану; на правой же, пустынной сторонѣ, въ слѣдующемъ году поселились перешедшіе съ Днѣстра черноморскіе казаки,

которымъ Императрица Екатерина II, грамотою отъ 30 июня 1792 г. поручила охранять Кубанскую границу отъ нападеній враговъ.

Закубанскіе черкесы сначала были мирными сосѣдями черноморцевъ, и, какъ старожилы, снабжали вновь пришедшихъ хлѣбомъ и другими съѣстными припасами, лѣсомъ, одеждой, сбруей и даже оружіемъ; взамѣнь же всего, этого получали отъ черноморцевъ соль, которой за Кубанью не было.

Прибрежные черкесы крайне сожалѣли, что съ поселеніемъ казаковъ черноморского войска въ Кубанскомъ краѣ, они лишились своихъ хозяйственныхъ занятій на правомъ берегу Кубани, который хотя и считался русскимъ, но не имѣлъ еще до прихода черноморцевъ русского населенія. Особенно сожалѣльно объ этомъ князь бжедухскаго племени Батыръ-Гирей, который не только занимался на нашей сторонѣ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но даже и самъ жилъ въ аулѣ, бывшемъ въ нынѣшнемъ лѣсу „Кругликѣ“, близъ г. Екатеринодара, или, вѣрнѣе, на самомъ мѣстѣ этого города, гдѣ тогда тоже былъ лѣсъ.

Чтобы имѣть возможность оставаться на мѣстѣ своего жительства, Батыръ-Гирей заявилъ начальству войска Черноморского о своей преданности Россіи и желаніи быть навсегда русско-поданнымъ, съ тѣмъ только, чтобы не переселяться за Кубань, съ подвластными ему черкесами.

Мотивомъ къ переходу въ русское подданство этотъ князь въ своемъ прошеніиставилъ то обстоятельство, что въ прежнее время горскіе владѣльцы находились подъ покровительствомъ крымскихъ хановъ и, какъ вольные, не принадлежали не только Турці, но и самому Крыму. А такъ какъ Крымъ вошелъ въ составъ русского государства, то и они считаютъ себя присоединенными къ Россіи. Въ виду этого подчиняться Турціи не желаютъ.

Такія заявленія послѣдовали не только отъ Батыръ-Гирея, но и отъ другихъ закубанскихъ князей и дворянъ.

Эти владѣльцы бжедухскаго и натухайскаго племени народа адиге, въ подтвержденіе искренности своихъ заявлений, дали присягу на коранѣ: свято и непоколебимо хранить вѣрность русскому Государю и обидѣ русскимъ подданнымъ не дѣлать; въ случаѣ разрыва Россіи съ Оттоманской Портой и возникновенія войны между сими державами не воевать съ русскими, — съ тѣмъ, однако, чтобы и черкесы со стороны русскихъ не были разоряены; въ огражденіе воровства абазинцами ихъ скота, чтобы табуны ихъ были приняты въ Черноморію, съ разрешеніемъ черноморскимъ казакамъ беречь ихъ лошадей за условленную плату; при этомъ натухайцы заявляли еще просьбу: дозволить имъ свободный переходъ на житѣе въ Черноморію. Впрочемъ, не всѣ на это согласились.

За отсутствиемъ кошевого атамана, бывшаго въ польскомъ походѣ, управлявшій войскомъ черноморскихъ казаковъ, войсковой судья полковникъ Головатый, прошеніе владѣльцевъ горскихъ черкесовъ представилъ таврическому губернатору генералу Жегулину,—прибавивъ, что просители желаютъ лично ходатайствовать у престола монарха объ удовлетвореніи своей просьбы. Но Жегулинъ, имѣя въ виду, что закубанскіе горцы считаются подвластными турецкому султану, не согласился пропустить черкесскихъ владѣльцевъ въ Петербургъ; однако, до полученія разрѣшенія отъ высшей власти, дозволилъ ходатаямъ прибыть въ гор. Симферополь. Туда отправились опять Батыръ-Гирей и дворянинъ Шостонали, въ сопровожденіи черноморского войска старшины, арміи прaporщика Кравченка, а оттуда, по полученіи отъ графа Зубова разрѣшенія, въ апрѣль 1795 года названные депутаты выѣхали въ Петербургъ.

Прошеніе о принятіи бжедуховъ и натухайцевъ въ русское подданство было доложено Зубовымъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Государыня отвѣтила отказомъ; въ рескриптѣ, данномъ на имя графа Платона Зубова 3 мая, находимъ слѣдующіе мотивы этого отказа. „Видя изъ представленія вашего изъявленное хатукайскимъ (натухайскимъ) и бжедухскимъ князьями желаніе подвергнуться со всѣми подвластными имъ мурзами и народами, за Кубанью обитающими, подъ державу нашу, съ принесенiemъ присяги въ вѣрности, находимъ мы, согласно съ мнѣніемъ вашимъ, что удовлетвореніе таковому желанію ихъ завело бы насть въ не-пріятныя обѣясненія и хлопоты съ Портю Оттоманскою, подавъ ей причину укорять насть въ нарушениіи заключеннаго съ нею трактата. А потому и нужно отклонить ихъ отъ сего шагу тѣмъ отвѣтомъ, какой предполагаете вы учинить чрезъ полковника Головатаго, который почитаемъ мы самыми основательными и положенію дѣлъ приличными. Такимъ образомъ, содержа помянутыхъ князей въ добромъ къ намъ расположеніи и обнадеживаю ихъ сохраненіемъ мирнаго сосѣдства и вспоможеніемъ при всякихъ случаяхъ въ ихъ надобностяхъ, можно позволить конскимъ табунамъ ихъ ходить на пастьбѣ на землѣ войска черноморского, на томъ основаніи, какъ изображенъ въ мнѣніи вашемъ, которое мы, во всей его силѣ, апробуемъ,—предоставляя вамъ, по вѣренному вамъ надѣ тамошнимъ краемъ главному начальству, снабдить о томъ, кого слѣдуетъ, надлежащими предписаніями¹⁾.

Такъ въ самомъ начальѣ было отклонено подданство заку-

¹⁾ Кубанский войсковой архивъ. Дѣло атаманское 1793 г., № 248; дѣло Войсковой канцелярии 1795 г., № 29.

банскихъ владѣльцевъ съ подвластными имъ черкесами Россіи, изъявлявшіяся ими не столько изъ искренней приверженности къ русскимъ, сколько изъ личныхъ выгодъ, что доказывалось уже тѣмъ, что Батыръ-Гирей и Шостонапи, еще до полученія резолюціі Государыни на ихъ прошеніе, успѣли перегнать на нашу сторону табунъ своихъ лошадей, для пастьбы на привольныхъ и удобныхъ степяхъ черноморцевъ¹⁾). Очевидно, горцы были весьма довольны такимъ исходомъ ихъ ходатайства. Они дали клятву быть преданными Россіи и жить въ мирѣ и согласіи съ русскими. Потомъ князья и дворяне въ собраніи множества черкесовъ обоихъ дружественныхъ племенъ выслушали на берегу Кубани объявленное имъ чрезъ полковника Головатаго монаршее благоволеніе 4 января 1796 года; но вслѣдъ затѣмъ некоторые изъ владѣльцевъ заявили, что Батыръ-Гирей и Шостонапи не достигли того, на что они черкесскимъ народомъ были уполномочены, т. е. русскаго подданства. Во главѣ недовольныхъ оказались султаны Селимъ, Ахметъ и Крымъ-Гирей. Эти владѣльцы подали было чрезъ таврическаго губернатора прошеніе на Высочайшее имя о принятіи ихъ съ подвластными имъ черкесами въ русское подданство, но получили отказъ, выраженный въ рескрипѣ Императора Павла I, данномъ 3 мая графу Платону Александровичу Зубову²⁾.

Пользуясь мирнымъ сосѣдствомъ, бжедухи завели съ черноморцами на Кубани мѣновую торговлю, отъ которой получали большія выгоды, породившія зависть черкесовъ другихъ племенъ, не пользовавшихся такой привилегіей. Болѣе всего озабочились враждебные абадзеши, которые, будучи сильнѣ бжедуховъ, грозили имъ разореніемъ.

Когда такая угроза отъ словъ перешла къ дѣлу, бжедухи обратились за помощью къ нашему начальству. По распоряженію войскового атамана экстренно былъ высланъ отрядъ черноморскихъ казаковъ подъ начальствомъ войскового полковника Еремѣева. Соединясь за Кубанью съ бжедухскими черкесами, Еремѣевъ разбилъ абадзеховъ на границѣ владѣній обоихъ племенъ, въ уроцищѣ Бзюкъ. Въ этомъ кровавомъ бою палъ и знатный князь Батыръ-Гирей.

Послѣ него власть надъ бжедухами перешла къ брату его Явбукъ-бею.

Вмѣшательство русскихъ въ дѣла черкесовъ породили еще большія несогласія между горскими племенами: одни дружились съ русскими, а другіе держались въ сторонѣ отъ нихъ. Скоро ска-

²⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ же. Атаманское дѣло 1797 г. № 353.

зались и хищническія наклонности горцевъ, выражившіяся въ томъ, что черкесы стали тайно переходить Кубанскую границу и воровать у черноморцевъ скотъ, а подчасъ захватывать и людей; кромѣ этого, сами черкесы изъ-за русскихъ начали ссориться между собою и нападать на тѣхъ, кто выказывалъ особенную преданность Россіи.

Тѣснімый горцами, товарищъ покойнаго Батыръ-Гирея по петербургскому посольству дворянинъ Шостонапи, называвшійся у горцевъ Шостанъ-Али, 16 апрѣля 1798 года самовольно переправился чрезъ Кубань съ своимъ семействомъ и подвластными ему людьми, въ числѣ „31 мужеска и 17 душъ женска пола“ и настоятельно просилъ дать ему пріютъ на русской землѣ. Когда управлявшій временно Черноморскимъ войскомъ войсковой есаулъ Гуликъ объявилъ, что вслѣдствіе высочайшихъ повелѣній черкесы не могутъ быть приняты въ русское подданство, то Шостанъ сказалъ, что онъ за приверженность свою къ Россіи долженъ погибнуть за Кубанью отъ мстительныхъ абазинцевъ. Въ виду этого, спасая свою жизнь, онъ ищетъ покровительства у христіанъ и рѣшается лучше умереть между ними,—утопить въ Кубани себя съ семействомъ и своихъ подданныхъ, нежели варварски понести насильственную смерть, пред назначенную ему агадзехами.

Несмотря на такое категорическое заявленіе Шостанъ-Али и выказанную имъ при этомъ сильную горестъ, Гуликъ не рѣшился его принять, а окруживъ всѣхъ черкесовъ командой казаковъ, донесъ объ этомъ по начальству.

23 апрѣля отъ генерала графа Коховскаго послѣдовало предписаніе удалить Шостанъ-Али съ прочими подвластными ему черкесами съ напіей стороны за Кубань. Когда это распоряженіе было объявлено Шостану, то онъ, повторяя прежнія слова, заявилъ, что жилище его занято уже непріятелями, жаждущими его гибели, и ему итти некуда; затѣмъ, поднявъ руки къ небу, горько заплакалъ и рѣшительно отказался итти на черкесскую сторону,—предпочиталъ, въ крайнемъ случаѣ, утопить въ Кубани себя съ семьей и всѣхъ своихъ подданныхъ. Послѣ этого онъ сталъ просить дозволить ему пройти нашей стороной до Кавказской линіи, гдѣ онъ переправится за Кубань и ищетъ пріюта у темиргоевскихъ черкесовъ. Это ему было дозволено. Шостанъ-Али, посадивъ на лунтры (черкесскія малыя суда) весь свой народъ, отправился подъ нашимъ берегомъ, вверхъ по Кубани изъ предѣловъ Черноморія¹⁾.

Послѣ такихъ происшествій на Кубани, бывшій въ Петер-

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Войсковой канцелярии 1798 г. № 79, 383.

бургъ войсковой атаманъ черноморского войска генералъ Котляревскій докладывалъ Государю чрезъ дѣйствительного статского советника Лашкарева, что ищущіе покровительства и защиты у русскихъ черкесы желають не только поселиться навсегда въ Черноморіи, но и быть зачисленными въ войско черноморскихъ казаковъ. Отъ этого была бы несомнѣнная польза государству, такъ какъ присоединеніе черкесовъ къ черноморцамъ увеличило бы на Кубанской границѣ воинственное населеніе. При этомъ Котляревскій заявлялъ, что, если первые выходцы изъ-за Кубани будутъ приняты въ число черноморскихъ казаковъ, то и другіе за ними послѣдуютъ: нужно только удалить закубанскихъ выходцевъ --хотя бы на первое время--отъ Кубани верстъ на 300, къ рѣчкамъ Егорлыку и Манычу, на свободную землю, прилегавшую къ черноморской войсковой территории, откуда они не могли бы сообщаться съ закубанскими горцами и тѣмъ вредить пограничнымъ жителямъ Черноморіи.

Мнѣніе это генерала Котляревскаго было вызвано прибытіемъ въ Петербургъ султана Шеретлу-Оглу, который, будучи тѣснимъ горцами за приверженность къ русскимъ, просилъ принять его въ русское подданство. Государь, внимая просьбѣ этого имени-таго горца, рескриптомъ 17 и 29 ноября 1798 года, данными на имя новороссійскаго губернатора графа Коховскаго, повелѣлъ названнаго султана съ подвластными ему людьми принять въ подданство Россіи и отвести въ незаселенныхъ мѣстахъ черноморскихъ казаковъ потребное пространство земли, съ угодьями для жительства этихъ горцевъ, дозволивъ селиться въ Черноморіи „и всѣмъ тѣмъ, кои съ нимъ изъ-за Кубани переедутся пожелають“.

Воля Государя была передана Коховскимъ 22 февраля 1799 года черноморскому атаману Котляревскому, къ которому прибылъ и самъ султанъ Шеретлу-Оглу, — переправившись съ своимъ народомъ изъ-за Кубани на нашу сторону.

Эти новые русско-подданные черкесы въ числѣ 100 душъ поселились на избранномъ султаномъ мѣстѣ близъ Азовскаго моря, въ уроцішѣ Ангелинскій ерикъ, въ 60 верстахъ отъ Кубани.

Послѣ этого Котляровскій получилъ самъ рескриптъ отъ ИМПЕРАТОРА Павла Петровича, данный 5 августа того же года, которымъ Его Величество повелѣвалъ „всѣхъ выходцевъ изъ-за Кубани на нашу сторону принимать на томъ же основаніи, какъ и вышедшихъ съ султаномъ Али Шеретлугомъ“.

Названному султану, приведенному къ присягѣ на вѣрность подданства русскому Государю, предоставлено было принимать изъ-за Кубани и другихъ выходцевъ, съ разрѣшеніемъ войскового начальства, и предписано мѣстному начальнику: „какъ на по-

селеніе сіе воля всемилостивѣйшаго Государя Императора есть, то со стороны войска Черноморского новымъ поселенцамъ симъ не только никакихъ препятствій или озлобленій не дѣлать, но наче стараться способствовать имъ всякими образы пособія и страннопріемства дружескаго¹⁾.

Султанъ Шерстлу-Оглу, поселившись въ Черноморіи съ подвластными ему горцами, жилъ спокойно и мирно съ сосѣдними черноморцами. Будучи еще въ силахъ, онъ поступилъ на службу въ войско Черноморское, дослужился до чина полковника, уволенъ въ отставку съ пенсіей, пожалованной ему Государемъ, въ 600 рублей въ годъ, и умирая въ 1813 году, завѣщалъ своимъ соотечественникамъ служить вѣрно и усердно русскому царю, давшему имъ пріютъ на своей землѣ, гдѣ личная безопасность и право собственности ихъ уважались на равнѣ съ русскими.

Какъ султанъ, такъ и всѣ подвластные ему горцы жили по своимъ обычаямъ и занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Такъ образовалось на землѣ войска Черноморского первое горское селеніе, названное Гривенскимъ черкесскимъ ауломъ. Гривенскимъ оно названо потому, что вблизи аула была казачья станица Ново-Нижестебліевская, прозвывавшаяся въ народѣ Гривенной.

II.

Явбукъ-Бей.

7 марта 1799 года явился къ атаману Котляревскому братъ Батыръ-Гирея, Явбукъ-бей и заявилъ о своемъ желаніи перейти въ русское подданство съ подвластными ему людьми; при чемъ просилъ дозвolenія переселиться изъ-за Кубани въ Черноморіе на всегдашнее жительство, въ виду того, что абадвехи сильно тѣснятъ и разоряютъ его за преданность русскимъ. Явбукъ заявилъ решительное намѣреніе перейти на русскую сторону, хотя бы русскіе съ оружиемъ въ рукахъ преняствовали такому переходу; „Буде суждено, говорилъ онъ, погибнуть мнѣ съ моимъ народомъ, то лучше пасть, не защищаясь, отъ оружія русскихъ, чѣмъ отъ злодѣевъ абазинцевъ“.

Атаманъ Котляревскій, хотя и имѣлъ разрѣшеніе на принятие закубанскихъ выходцевъ, но въ виду многочисленности черкесовъ, назначавшихся къ переселенію въ Черноморію, счѣль

¹⁾ Тамъ же. Дѣло войсковой канцеляріи 1798 г. № 79, 1799 г. № 89. Дѣло войскового пітаба 1872 г. Дѣло войскового атамана 1807 г. № 544.

долгомъ довести до свѣдѣнія Государя. Въ отвѣтъ онъ получилъ высочайше повелѣніе: названнаго горскаго владѣльца принять и поселить вмѣстѣ съ Шеретлугомъ-оглы.

15 мая Явбукъ-бей былъ уже на правой сторонѣ Кубани, съ подвластными ему людьми, въ числѣ 1493 душъ. Здѣсь черкесы присягнули на вѣрность подданства Россіи и получили отъ черноморскаго войска въ видѣ пособія, для первона-чальнаго продовольствія хлѣба на 7473 рубля.

Остановившись лагеремъ на правой сторонѣ Кубани Явбукъ-бей почему-то замедлилъ дальнѣйшее слѣдованіе къ Ангелинскому ерику, гдѣ онъ долженъ былъ поселиться навсегда. Причина такого замедленія неизвѣстна. Быть-можеть, онъ узналъ, что Шеретлугъ-Оглы ходатайствовалъ о переселеніи его съ безлѣсной мѣстности къ Кубани, гдѣ лѣса манили черкесовъ и напоминали покинутую ими родину,—что болѣе нравилось и вновь перешед-шимъ на нашу сторону черкесамъ Явбука, или закралось въ его душу раскаяніе въ переходѣ изъ родного закубанскаго края въ землю гяуровъ.

Дѣйствительно, императоръ Павелъ Петровичъ рескриптомъ 27 Іюля 1799 года разрѣшилъ Шеретлугъ-Оглу перейти на житѣе къ лѣснымъ черноморскимъ селеніямъ, расположеннымъ при Кубани.

Но атаманъ Котляревскій на этотъ разъ не спѣшилъ исполнить волю Государя, въ виду неудобствъ для пограничныхъ жителей Черноморія и опасности для самой Кубанской границы, такъ какъ не всѣ же черкесы, подобно Шеретлугу, были искрен-но преданы русскимъ и, имѣя возможность постоянно сноситься съ своими единовѣрцами за Кубанью, могли имъ сообщать о расположenіи нашихъ войскъ на границѣ и при первомъ неудо-вольствіи на русскихъ натворить бѣдъ своимъ благодѣтелямъ.

Опасенія Котляревскаго вскорѣ сбылись, если не по отно-шенію къ шеретлуковцамъ, то къ другимъ закубанскимъ выход-цамъ. 30 сентября Явбукъ-бей въ сопровожденіи 102 черкесовъ, пользуясь темной ночью и лѣсной мѣстностью, пробрался между казачьими пикетами на закубанскую сторону и оттуда отправился въ Анапу, гдѣ нажаловался анапскому пашѣ, будто русскіе, переправившись на лѣвую сторону Кубани, насильно захватили его съ подвластными ему черкесами, что онъ ушелъ отъ нихъ и просить о возвращеніи его людей на прежнее мѣстожительство. Османъ-паша, начавшій уже переписку съ войсковымъ начальствомъ о неправильномъ принятіи подвластныхъ турецкому султану черкесовъ въ русское подданство, повѣрилъ словамъ коварнаго Явбука-бяя, доказавшаго своимъ побѣгомъ съ русской стороны, что онъ не былъ измѣнникомъ падишау и не по своей волѣ находился между русскими, въ виду чего просяба его ка-

залась пашъ справедливой и основательной. Объщавъ этому бею свое содѣйствіе, паша довелъ до свѣдѣнія турецкаго султана нарушеніе со стороны Россіи мирныхъ договоровъ съ Оттоманской Портой.

Напрасно атаманъ Котляревскій увѣрялъ анапскаго пашу, что Явбукъ-бей самъ просилъ покровительства Россіи и почти насильно перешелъ изъ-за Кубани на нашу сторону; что жалоба на насильный захватъ черкесовъ съ Явбукъ-беемъ чистѣйшая ложь,—паша не вѣрилъ и слушать не хотѣлъ; уликъ противъ измѣника двухъ государей—не было. Онъ настоятельно требовалъ возвратить изъ-за Кубани людей Явбукъ-бея и, въ противномъ случаѣ, грозилъ разрывомъ мирныхъ отношеній между Турцией и Россіей.

О такомъ важномъ происшествіи на Кубанской границѣ атаманъ черноморскаго войска довелъ до свѣдѣнія Государя и доложилъ, что, если Его Величеству будетъ угодно еще принимать на русскую сторону закубанскихъ выходцевъ, то необходимо селить ихъ не ближе 60 верстъ отъ Кубанской границы. На это представленіе Императоръ Павелъ I изъявилъ свое согласіе, и рескриптомъ 3 ноября завѣрилъ Котляревскаго, что никакого неудовольствія на него за уходъ Явбукъ-бея за Кубань не имѣеться, такъ какъ причиной этого было расположение его при самой Кубани, откуда онъ при нежеланіи оставаться въ русскомъ подданствѣ всегда могъ уйти на свою сторону.

Всѣдѣть за этимъ 8 января 1800 года Явбукъ-бей, собравъ за Кубанью до 6000 черкесъ, перешелъ по льду на нашу сторону, забралъ всѣхъ подвластныхъ ему людей и, пользуясь пре-восходствомъ своихъ силъ, разбилъ команду казаковъ, препятствовавшихъ вторженію Явбукъ-бея въ наши предѣлы. Въ про-исшедшемъ сраженіи на берегу Кубани съ нашей стороны убиты офицеръ 1, казаковъ 9, ранены офицеръ 1, казаковъ 6 и 2 казака захвачены черкесами въ пленъ.

Получивъ обѣ этомъ всеподданѣйшее донесеніе, разг҃нѣванный Государь рескриптомъ 6 февраля повелѣлъ преемнику Котляревскаго, войсковому атаману Бурсаку, во избѣжаніе обмановъ ищущихъ русскаго подданства закубанскихъ выходцевъ и напрасныхъ издержекъ Черноморскаго войска на первоначальное имъ пособіе, отказывать горцамъ въ дальнѣйшемъ переходѣ ихъ на нашу сторону, „и впредь не впускать“. Эти слова собственно-ручно были добавлены Императоромъ въ концѣ рескрипта.

Пока это Высочайшее повелѣніе дошло до черноморскаго атамана, новая партия черкесовъ, въ 22 души, успѣла перейти на нашу сторону и, согласно прежнихъ Высочайшихъ повелѣній, была принята подъ покровительство Россіи и поселена въ Гри-

венекомъ аулѣ, который, въ виду пограничныхъ происшествій съ Явбукъ-беемъ, остался на прежнемъ мѣстѣ¹⁾.

Еще одинъ самовольный переходъ горцевъ изъ-за Кубани на нашу сторону состоялся въ томъ же году, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 10 августа и 25 сентября татарскій мурза Калмукъ перевѣль на правую сторону Кубани 46 душъ ногайцевъ и 140 дунгъ татаръ, объяснивъ свой переходъ тѣмъ, что онъ въ 1791 году при взятіи крѣпости Анапы бытъ пѣненъ русскими и съ позволенія таврическаго губернатора отлучался на закубанскую сторону только для взятія своихъ родственниковъ, переведя которыхъ на русскую сторону, желаетъ навсегда остаться въ предѣлахъ Россіи. Такое объясненіе Калмуга черноморской атаманъ довѣть до свѣдѣнія высшаго начальства и получилъ отъ новороссийскаго генерал-губернатора, генерала отъ кавалеріи Михельсона, 22 ноября, предписаніе, что Государь Императоръ соизволить приказать принять въ русское подданство перешедшихъ изъ-за Кубани на нашу сторону означенныхъ выше иностранцевъ и поселить ихъ въ Перекопскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, или где пожелають. На основаніи этого повелѣнія названные ногайцы и татары приведены къ присягѣ на вѣрноподданство Россіи и по желанію ихъ поселены въ Григорьевскомъ черкесскомъ аулѣ²⁾.

III.

Магамчерій-Ханукъ.

О смерти Императора Павла I, вступившій на престолъ Александръ Павловичъ подтвердилъ повелѣніе Августійшаго родителя своего о пріостановленіи приемовъ въ русское подданство закубанскихъ горцевъ, во избѣженіе нарушенія доброго согласія съ Турціей. Объ этомъ генералъ Михельсонъ 8 мая 1801 года сообщилъ перво-присутствующему въ черноморской войсковой канцеляріи генерал-маіору Кираеву³⁾.

Въ это время начинались уже военные дѣйствія наши съ закубанскими горцами и при этомъ яснѣе обозначались отношенія мирныхъ бжедуховъ къ Россіи. Враждебныя племена абадзеховъ и шапсуговъ, а частью и натухайцевъ, нападая

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло войсковой канцеляріи, 1800 г. № 109.

²⁾ Тамъ же. Атаманское дѣло 1800 г. № 427.

³⁾ Тамъ же. Дѣло войсковой канцеляріи 1783 г. № 79.

на нашу кордонную стражу и врываясь въ наши предѣлы, разоряли и бжедуховъ, не соглашавшихся съ ними воевать противъ русскихъ. Послѣдніе, спасаясь отъ угрожавшей опасности, не разъ прибѣгали подъ защиту русскихъ отъ разоренія ихъ враждебными черкесами, или искали возможности перехода на правую сторону Кубани подъ покровительство Россіи. Снисходя къ такимъ просьбамъ и для поддержанія мирныхъ отношеній съ соѣдними горцами, высшее начальство дало разрѣшеніе черноморскому войсковому правительству въ исключительныхъ случаяхъ принимать бжедухскихъ вліятельныхъ въ своемъ родѣ черкесовъ на нашу сторону, безъ всякаго подданства Россіи, въ видѣ временнаго убѣжища отъ грозящей имъ въ своей землѣ опасности и дозволять селиться хуторами при казачьихъ постахъ кордонной линіи.

Въ числѣ такихъ выходцевъ перешелъ отъ бжедуховъ на правую сторону Кубани султанъ Магамчерій-Исламъ-Чиреевъ-Ханукъ, поселившійся хуторомъ въ дистанціи Павловскаго поста. Этотъ закубанскій владѣлецъ по всеподданнѣйшему докладу генерала-оть-инфантаріи графа Ланжерона за приверженность его къ Россіи и желаніе остататься въ русской службѣ,—несмотря на выгодныя предложения турецкаго правительства,—по Высочайшему повелѣнію 28 декабря 1816 года быть принять на службу въ Черноморское казачье войско, съ чиномъ войскового старшины¹⁾.

Какъ ни хорошо было Хануку на русской сторонѣ, но родина—сuroвыя закубанскія горы были дороже гостепріимной, но прозаичной Черноморіи. Будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и чувствуя себя близкимъ къ загробной жизни, Ханукъ испросилъ позволеніе войскового начальства перейти обратно за Кубань, чтобы тамъ на своей землѣ, среди своихъ людей, сложить свои кости. Просимое разрѣшеніе было дано, и Ханукъ перешелъ въ свой ауль, бывший на лѣвой сторонѣ Кубани, и тамъ 4 апрѣля 1821 года умеръ. Вдова Ханука, Биче, съ дѣтьми, съ позволеніемъ войскового начальства окончательно переселилась съ хутора при Павловскомъ посту въ ауль умершаго мужа ея, куда перешли и другіе черкесы, жившіе на томъ же хуторѣ²⁾.

Такъ какъ умершій Ханукъ по роду службы принадлежалъ войску Черноморскому, то войсковое начальство взяло подъ присмотръ имущество этого штабъ-офицера, оставшееся на сказанномъ хуторѣ его, не касаясь того имѣнія, которое было

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло атаманское 1816 г. № 705. Войскового штаба Кубанского казачьяго войска 1830 г. № 16.

²⁾ Тамъ же. Дѣло атаманское 1821 г. № 789.

на закубанской сторонѣ. Вскорѣ явился претендентъ на наслѣдство умершаго Ханука. Братъ его князь Капланъ Черій, получивъ отъ вдовы отказъ на полученіе имѣнія умершаго, намѣревался силою завладѣть имъ въ аулѣ брата и захватить въ свои руки малолѣтняго наслѣдника Крымъ-Черія Ханука. Узнавъ объ этомъ, командингій черноморскою кордонною линіей, генераль-маіоръ Власовъ распорядился взять на нашу сторону названного наслѣдника Ханука. Молодой Ханукъ, по прибытии изъ-за Кубани, былъ помѣщенъ на время въ Пашковскомъ куренномъ селеніи, въ приличномъ для его достоинства домѣ. Въ апрѣль 1822 года опекунъ надъ имѣніемъ Ханука, есаулъ Косолапъ, перевелъ Крымъ-Черія изъ Пашковки въ Гривенскій аулъ съ подвластными ему людьми, — туда же былъ перегнанъ весь скотъ Ханука.

Жизнь въ названномъ аулѣ въ чужомъ домѣ молодому Хануку не понравилась. Въ виду этого генераль-маіоръ Власовъ распорядился отвести при томъ же аулѣ часть земли для Ханука съ его людьми, для помѣщенія же его перевезенъ обывательскими подводами остававшійся въ Пашковкѣ домъ; опекунъ же Косолапъ позаботился, чтобы этотъ знатный юноша ни въ чёмъ не имѣлъ недостатка и стѣсненія отъ жившей на противуположной сторонѣ ерика вдовы султана Али-Шеретлуга Мамерханъ съ своими черкесами¹⁾).

Такъ пеклось Черноморское войсковое начальство о наслѣднику преданнаго Россіи знатнаго горца, которому при жизни еще было пожаловано Государемъ Императоромъ 5000 руб., выданніе уже послѣ смерти его сыну и двумъ дочерямъ²⁾.

Впослѣдствіи оказалось, что у умершаго войскового старшины Ханука кромѣ Крымъ-Черія были еще сыновья: Шаганъ, Сагатъ и Аданъ Черіи, изъ которыхъ первый по горскому обычаю находился на воспитаніи у князя Натоука, отъ которого, по достижениіи 19 лѣтняго возраста, съ согласія войскового начальства, перешелъ на нашу сторону съ своими людьми и поселился въ Гривенскомъ аулѣ, для совмѣстнаго житія съ братомъ своимъ Крымъ-Черіемъ³⁾.

Родные братья Ханука скоро поссорились. Крымъ-Черій не хотѣлъ уступить Шаганъ-Черію части отцовскаго наслѣдства. Во время такой вражды, 1 мая 1826 года, два неизвѣстныхъ черкеса ворвались въ домъ первого и нанесли Крымъ-Черію 8 кин-

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло управлениія Черноморской кордонной линіи 1821 г. № 57.

²⁾ Тамъ же. Дѣло 1823 г. № 147.

³⁾ Тамъ же. Дѣло 1822 г. № 95.

жальныхъ ранъ,—убѣжавъ потомъ за Кубань. Всѣ тогда думали, что это злодѣйское покушеніе на жизнь Крымъ-Черія было послѣдствіемъ мести Шаганъ-Черія, желавшаго смертью брата предоставить себѣ право завладѣть всѣмъ имѣніемъ, оставшимся послѣ смерти отца¹).

Крымъ-Черій Ханукъ, получивши первоначальное образованіе въ екатеринодарскомъ училищѣ, поступилъ на службѣ въ Кавказскій горскій полуэскадронъ, дослужился до штабъ-офицерскаго чина, былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и умеръ полковникомъ въ 1845 году²).

IV.

ВѢГЛЫЕ И ИЛЪНИЕ.



о времени назначенія генерала Ермолова командиромъ отдѣльного Кавказскаго корпуса и подчиненія ему Черноморскаго казачьяго войска, вольные переходы закубанскихъ горцевъ въ Черноморію прекратились. Допускались на нашу сторону на временное жительство только тѣ знатные черкесы и другіе закубанцы, которые завѣдомо отличались благонадежностью и преданностью Россіи, и за это тѣснимые враждебными азіатцами искали русскаго покровительства. На это имѣлось разрѣшеніе вышшаго начальства, но оно въ рѣдкихъ случаяхъ практиковалось на Кубанской границѣ.

Генераль Ермоловъ не былъ расположенъ принимать закубанскихъ обитателей на нашу сторону, будто бы желавшихъ поступить въ русское подданство или быть полезными для черноморскихъ казаковъ, содержавшихъ кордонную линію на Кубани. З августа 1820 года онъ писалъ черноморскому войсковому атаману:—,, Не былъ я начальникомъ войска Черноморскаго, но знаю, что положеніе онаго относительно до заграницныхъ народовъ то же самое, что и поселенныхъ на Кавказской линіи казаковъ относительно сношеній ихъ съ кабардинцами, чеченцами и прочими мошенниками, которыхъ закубанцы ничѣмъ не лучше; знаю, что партии разбойниковъ имѣютъ всегда вѣрное пристанище въ селеніяхъ, по Кубани расположенныхъ, коихъ жители служатъ имъ лучшими провожатыми. Точно также живущіе на Кавказской линіи, какъ и выселившіеся на земли черноморскія

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1826 г. № 206.

²⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Таманскаго сѣмскаго начальства 1850 г. № 117.

закубанцы, по родственнымъ связямъ и единовѣрію участвуютъ въ злодѣяніяхъ, если по боязни иногда не самимъ дѣломъ, то, конечно, извѣстіями". Всльдь за тѣмъ Ермоловъ подтвердилъ командующему войсками въ Черноморіи генерал-маіору Власову желающихъ перейти на русскую сторону закубанцевъ цѣлыми аулами или семействами никакъ не принимать, за исключениемъ тѣхъ только, которые убѣгаютъ отъ жестокости своихъ, владѣльцевъ: „поведеніе закубанцевъ, писалъ Ермоловъ, обнаруживается ихъ самыми подлыми мошенниками"¹⁾.

Въ виду такого мнѣнія главнаго начальника Кавказскаго края о закубанцахъ, черноморское войсковое начальство принимало и давало пріютъ на своей землѣ тѣмъ только горцамъ, которые убѣгали съ своей родины подъ покровительство Россіи по особо важнымъ причинамъ и, если такие бѣглецы переходили въ Черноморію въ такое время, когда нельзя было заработать куска хлѣба трудами рукъ своихъ, то выдавало этимъ бѣднякамъ и пропитаніе изъ войскового капитала деньги, взрослыемъ по 10 и малолѣтнимъ по 5 коп. въ сутки, или же отпускало натурой провіантское довольствіе²⁾). Такіе выходцы приводились къ присягѣ на вѣрность подданства Россіи и разселялись между горцами, постоянно жившими въ Черноморіи.

Въ 1848 году намѣстникомъ кавказскимъ княземъ Воронцовымъ были изданы особыя правила о закубанскихъ горцахъ, добровольно выходившихъ на нашу сторону и взятыхъ въ пленъ: ихъ велѣно было отправлять на Донъ для поселенія, если первые, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, не могли быть водворены въ Черноморіи, а послѣдніе не были обмѣнены въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на русскихъ пленныхъ, находившихся у горцевъ. Съ тѣхъ поръ въ Гриденскомъ аулѣ принимались на поселеніе черкесы только по приговорамъ аульного общества; если же такого согласія со стороны гриденцевъ не было, то отправлялись въ г. Новочеркасскъ въ распоряженіе донского начальства³⁾.

Прибывши въ Новочеркасскъ горцы зачислялись въ казачье сословіе и разселялись на жительство въ донскихъ селеніяхъ. Но такъ какъ некоторые изъ добровольныхъ выходцевъ чрезъ пѣкоторое время просили разрѣшенія ити обратно за Кубань, то донской атаманъ возбудилъ по этому предмету вопросъ: имѣютъ ли право вольные черкесы, принявши русское подданство и зачисленные въ казачье сословіе, исключаться изъ Донскаго войска

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Управлія Черноморской Кордонной линіи, 1821 г. № 58, 1823 г. № 117.

²⁾ Тамъ-же. Дѣло 1840 г. № 521, Дѣло Войскової Канцелярії 1887 г. № 1095.

³⁾ Тамъ-же. Дѣло Управл. Черном. Корд. линії 1846 г. № 808.

въ первобытное состояніе, и съ какими правами должны возвращаться тѣ черкесы, которые были крестьянами у закубанскихъ владѣльцевъ, до своего побѣга въ предѣлы Россіи?

Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе департамента военныхъ поселеній по данному вопросу, нашелъ: „что, на основаніи существующихъ общихъ поселеній, лица посторонняго вѣдомства однажды поступившія въ казачью войска остаются въ нихъ съ потомствомъ навсегда, а крѣпостное сословіе, однажды прекратившееся, не можетъ быть возстановлено никогда“. Но во избѣжаніе претензій закубанскихъ владѣльцевъ, изъ мирныхъ и покорныхъ Россіи горекихъ племенъ, предварительно принятія закубанскихъ выходцевъ подъ покровительство Россіи предписывалось удостовѣряться, какого они званія и, если окажутся изъ числа крестьянъ, то такихъ бѣглецовъ возвращать ихъ владѣльцамъ. Такое разъясненіе военнымъ министромъ было передано въ 1857 году кавказскому начальству, но на дѣлѣ оказалось не примѣнимымъ въ виду того, что провѣрить настоящее званіе выходца изъ-за границы, по одному его устному обѣясненію, положительно было невозможно: другого же способа удостовѣриться, вольный ли выходецъ, или подвластный владѣльцу, не представлялось. При томъ возвращеніе за Кубань выходца на нашу сторону, хотя бы завѣдомо и крестьянина, было крайне вредно, такъ какъ не принятый подъ русскій кровъ черкесъ былъ бы послѣ того самымъ злымъ врагомъ русскихъ, или же могъ повторить свой побѣгъ изъ-за Кубани въ Россію, но только подъ другимъ званіемъ. Во всякомъ случаѣ принятіе закубанскихъ выходцевъ подъ покровительство Россіи главнокомандующимъ предоставлено было всецѣло усмотрѣнію мѣстнаго воинскового начальства¹⁾.

Были однако случаи, что разъ перебѣжавшіе изъ-за Кубани на нашу сторону горцы, поселившіеся на жительство въ Гриденскомъ аулѣ, уходили обратно за Кубань; но это были не крестьяне, а вольные черкесы, которымъ не грозило на родинѣ рабство. Такой обратный переходъ обусловливался какъ согласіемъ аульного общества, такъ и разрѣшеніемъ мѣстнаго воинскаго начальства²⁾.

Когда началась колонизация Западнаго Кавказа русскимъ населеніемъ, и закубанскіе горцы, тѣснѣмые нашими войсками, стали стремиться къ выходу въ Турцію, то нежелавшіе эмигрировать въ далекій невѣдомый имъ край, поступали въ подданство Россіи, переселялись по своему желанію въ Гриденскую

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1846 г. № 808.

²⁾ Тамъ же. Дѣло 1846 г. № 819, 1850 г. № 941, 1853 г. № 314, 1857 г. № 541.

черкесскую станицу, куда зачислялись по распоряжению местного начальства безъ приговора тамоиняго общества¹⁾.

Этимъ временемъ заканчиваются дальнѣйшіе переходы горцевъ изъ-за Кубани въ Черноморію, такъ какъ съ окончаніемъ Кавказской войны черкесы, не ушедши въ Турцію, остались на мѣстѣ, за Кубанью, въ русскомъ подданствѣ.

Съ окончаніемъ войны на Западномъ Кавказѣ, среди горцевъ нашлись смѣльчаки, которые, не желая уходить изъ родныхъ горъ въ Турцію, а тѣмъ болѣе подчиняться ненавистнымъ для нихъ гяурамъ, предпочитали скитаться въ недоступныхъ для русскихъ войскъ трущобахъ Кавказского хребта, и тамъ, терпя всевозможныя лишенія, безъ пищи, крова и одежды, доходили до крайняго изнеможенія и даже умирали. Для спасенія такихъ скитальцевъ посылались въ горы наши разъездныя команды казаковъ, которые, рыская по ущельямъ и оврагамъ, находили иногда въ лѣсныхъ трущобахъ скрывающихся горцевъ и еле живыхъ въ лохмотьяхъ приводили въ отрядъ, но при этомъ не рѣдко истощенный горецъ не сдавался и пускаль противъ подходившаго къ нему казака послѣдній зарядъ изъ своей винтовки.

Находимыхъ въ горахъ черкесовъ и другихъ плѣнныхъ на основаніи правилъ, утвержденныхъ главнокомандующимъ въ январѣ 1864 г., военное начальство раздавало участникамъ войны для услугъ и воспитанія малолѣтнихъ, срокомъ на пять лѣтъ. Охотнѣе всего разбирались молодые черкесы обоего пола, которые скорѣе привыкали къ совмѣстной жизни съ русскими, скоро выучивались русскому языку и принимали христіанскую вѣру. Когда же обнаруживалось, что нѣкоторые господа, а особенно офицеры изъ черкесовъ начали злоупотреблять своимъ правомъ и обижать плѣнныхъ жестокимъ обращеніемъ и недостаточнымъ содержаніемъ или непосильной работой, то было объявлено приказаніе командующаго войсками графа Сумарокова-Элъстонъ отбирать у такихъ лицъ обиженныхъ горцевъ и передавать другимъ болѣе благонадежнымъ воспитателямъ. Такое распоряженіе заставило строгихъ и безжалостныхъ господъ гуманнѣе обращаться съ плѣнниками, составлявшими большую частью даровую рабочую силу. Однако были такія счастливыя черкешенки, что удостоились быть женами русскихъ офицеровъ²⁾.

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1863 г. № 1443.

²⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Екатеринодарскаго станичнаго правленія. 1865 г. № 148.

V.

Татарское селение Ады.

При владычествѣ послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, со временемъ прихода русскихъ войскъ въ Кубанскій край, кочевавшіе тамъ ногайскіе татары, будучи недовольны правлѣніемъ этого хана, начали волноваться. Волненія и несогласія между разными ордами ногайцевъ довели ихъ до того, что нѣкоторые цѣлыми поколѣніями начали уходить за Кубань къ горскимъ черкесамъ.

Въ 1783 году послѣ присоединенія Кубанскаго края къ Россіи и принесенія кубанцами присяги на вѣрность подданства русскому Государю произошелъ общій бунтъ ногайскихъ ордъ, не пожелавшихъ переселяться съ Кубани на Уралъ. Генералъ Суворовъ разбилъ сопротивлявшихъ ногайцевъ, но они все-таки ушли за Кубань. Черкесы приняли бѣглецовъ, но особеннаго расположенія къ нимъ не оказывали.

Ни образъ жизни татаръ и черкесовъ, ни характеръ этихъ азіатцевъ—не сходились: первые были кочевники, а послѣдніе осѣдлые жители, одни спокойные и склонные къ мирной жизни, а другіе пылкіе, отчаянные головорѣзы; но такъ какъ тѣ и другіе были мусульмане, то вѣра только и скрѣпляла ихъ союзъ.

Изъ всѣхъ горскихъ племенъ менѣе всего были расположены къ татарамъ абазинскіе черкесы, самые злѣйшіе враги русскихъ. Эти горцы не только не дружились съ ногайцами, но не рѣдко относились и къ нимъ съ такимъ же озлобленіемъ, какъ и къ мирнымъ бжедухамъ, уходившимъ на русскую сторону отъ притѣсненій абазинцевъ.

22 марта 1796 года партія ногайцевъ въ числѣ 74 душъ, переправившись ночью на правую сторону Кубани, подошли къ Платоногорскому посту съ проѣзбою принять ихъ подъ покровительство Россіи. Начальникъ поста полковой старшина Гринченко, боясь сообщаться съ выходцами, по случаю существовавшей въ турецкихъ предѣлахъ заразительной болѣзни, безъ всякихъ разговоровъ направилъ ихъ въ Бугазскій карантинъ; по прибытии туда, начальникъ партіи мурза Сманиль-Ага объяснилъ, что онъ жилъ въ закубанской деревнѣ *Агады*¹⁾ съ своимъ семействомъ и подвластными ему татарами, но злобные абазинцы, не довольствуясь разнаго рода притѣсненіями, напали ночью на деревню, разорили жителей, захватили нѣкоторыхъ въ плѣнъ и грозились всѣхъ ихъ обратить въ своихъ рабовъ. Въ числѣ плѣн-

¹⁾ По другимъ сведениямъ, въ Кубанью было селеніе Ады.

ныхъ быль и самъ онъ, мурза, но во время слѣдованія въ горы нашелъ удобный случай бѣжать съ бывшими при немъ татарами на русскую сторону, и теперь ищетъ защиты и покровительства у русскихъ отъ насилия абазинскихъ черкесовъ.

Вслѣдъ за этой партіей выбѣжали изъ-за Кубани еще нѣсколько ногайцевъ, искавшихъ, по тѣмъ же причинамъ, уѣжжаща на русской землѣ.

Объ этомъ происшествіи кошевой атаманъ Черноморскаго войска донесъ и полутиль предписаніе Таврическаго губернатора: вышедшихъ изъ-за Кубани ногайцевъ направить чрезъ Керчь въ Крымъ, для совмѣстной жизни съ ихъ единовѣрцами,—что и было исполнено.

По справкамъ, собраннымъ чрезъ лазутчиковъ, оказалось, что татаръ дѣйствительно притѣсняли и разоряли за Кубанью не только враждебные черкесы, но и турки, чemu служить доказательствомъ звѣрская расправа Анапскаго наши съ знатными татарами, которыхъ онъ казнилъ по своему произволу. Когда наша отрубилъ головы двумъ ногайскимъ султанамъ, то братъ казненныхъ, султанъ Шамъ Мулакъ, убѣгая отъ злобныхъ турокъ, въ томъ же году, съ партіей ногайцевъ перешелъ на русскую сторону¹⁾.

Кромѣ небольшихъ, переходовъ ногайцевъ изъ-за Кубани въ Черноморію въ 1803 году прибыла на Бугазскую переправу цѣлая партія ногайцевъ, въ 115 душъ, при двухъ мурзахъ, Бекиръ и Бахты Гиреяхъ, бѣжавшихъ на русскую землю послѣ разоренія ихъ черкесами въ закубанскомъ селеніи А(да)ды. Этимъ татарамъ, по распоряженію таврическаго губернатора, тайного соѣтника Милорадовича, быль оказанъ черноморцами самый радушный приемъ,—съ предложеніемъ, по примѣру прежнихъ выходцевъ, перейти въ Крымъ, для поселенія вмѣстѣ съ ихъ единовѣрцами, но они этого не пожелали, а предпочли, отдавшись въ подданство Россіи, остатся навсегда въ Черноморіи. Просьба этихъ выходцевъ была доложена Государю, и, съ Высочайшаго согласія, ногайцы были поселены въ Таманскомъ округѣ между Темрюкомъ и Таманью, на берегу Азовскаго моря, въ урошище Пересыпи,—*впередъ до особаго распоряженія*.

Вслѣдъ за этой партіей начались усиленные переходы татаръ изъ-за Кубани въ Черноморію, гдѣ они принимались и водворялись вмѣстѣ съ прежними мусульманскими поселенцами, татарскаго происхожденія. Къ концу года ихъ насчитывалось уже до 465 душъ.

Такая значительная прибыль инородцевъ обратила вниманіе

¹⁾ Кубанскій Войсковой архивъ. Дѣло атаманское 1796 г., № 339.

правительства. Государь не призналъ удобнымъ заселять войсковыя земли, принадлежащи Черноморскому войску, татарами, и Высочайше повелѣль перевести всѣхъ названныхъ поселенцевъ изъ Черноморія въ Таврическую область, для водворенія въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, о чёмъ послѣдовалъ Высочайший указъ херсонскому военному губернатору, переданный тайнымъ советникомъ Милорадовичемъ Черноморской войсковой канцеляріи для исполненія, 4 августа.

Выселеніе татаръ изъ Черноморія въ Тавриду встрѣтило затрудненіе въ томъ, что они, съ увеличеніемъ народонаселенія, основали ауль възгъ Ахтанизовскаго лимана, заготовили на зиму продовольствіе какъ для себѣ, такъ и для своего скота, а съ еще того болѣе, что всѣ ихъ мурзы, упрочивши свои жилища, уѣхали въ Крымъ по своимъ дѣламъ. Въ виду всего этого остававшіеся татары просили отсрочить ихъ переселеніе до весны слѣдующаго года. Просимая отсрочку имъ была дана и кромѣ того неимущимъ татарамъ отпущенъ изъ войсковыхъ запасовъ хлѣбъ на продовольствіе.

Наступила весна 1804 года, а татары не трогались съ мѣста. На понужденіе Черноморскаго начальства къ выселенію, они заявляли, что на отведенномъ мѣстѣ устроены уже ихъ дома, а на прилегающей землѣ посѣянъ хлѣбъ, что бросивши все это, они окончательно разорятся, и потому не желаютъ оставлять мѣсто своего жительства и идти въ Таврическую губернію. Когда же отряженные для сопровожденія татаръ чиновники объявили, что они непремѣнно должны выйти изъ Черноморіи, то послѣдніе отвѣтили, что пусть ихъ русскіе на мѣстѣ вырѣжутъ, или разберутъ по рукамъ въ рабство, а добровольно не пойдутъ въ Тавриду; что ихъ давнишнее желаніе было жить среди русскихъ спокойно въ Черноморіи и когда они, вынѣденіи изъ-за Кубани, прибыли на русскую сторону, то начальникъ Бугазскаго карантина объявилъ, что русскій царь принимаетъ ихъ подъ свою державу и, согласно ихъ желанію, даетъ имъ для жительства землю на территоріи войска Черноморскаго. Держась этого мнѣнія, татары рѣшительно отказались идти для жительства въ другое мѣсто; однако, соглашались передвинуться на сѣверо-восточную косу Азовскаго моря, если начальство признаетъ неудобнымъ имѣть ихъ поселеніе на рубежѣ границы съ Турцией.

Отказъ татаръ отъ переселенія въ Таврическую область имѣлъ нѣкоторое основаніе. Дѣйствительно, при переходѣ ихъ съ турецкой стороны на русскую Таврическій губернаторъ Милорадовичъ сообщилъ Войсковой Канцеляріи войска Черноморскаго Высочайшее соизволеніе на поселеніе татаръ въ Черноморіи между Темрюкомъ и Таманью, о чёмъ и было объявлено этимъ вы-

ходцамъ, хотя же въ томъ сообщеніи и была оговорка „на первый случай“, но этихъ словъ татары не поняли; да и для русскихъ не совсѣмъ было понятно. Словомъ, татары изъ Черноморія не двигались. Когда обѣ этомъ было доложено Государю,— съ поясненіемъ, что черноморцы отъ татаръ не имѣютъ стѣсненія въ земельномъ довольствіі, то Александръ Павловичъ рескриптомъ на имя генералъ-губернатора Розенберга, 24 сентября 1804 года, Высочайше повелѣлъ дозволить вышедшимъ изъ-за Кубани въ Черноморію ногайцамъ и татарамъ оставаться на землѣ войска черноморского и переселиться отъ Ахтанизовскаго лимана за сто верстъ отъ Кубани на сѣверо-восточную косу Азовскаго моря. Генераль-отъ-инфanterіи Розенбергъ, сообщая такую волю Государя для объявленія татарамъ, писалъ Черноморской войсковой канцеляріи, что, если названные мусульмане живутъ покойно, то не настаивать на немедленномъ ихъ переселеніи въ указанное мѣсто и дать имъ время собраться со средствами для удобнаго передвиженія.

Въ октябрѣ этого же года прибылъ изъ-за Кубани на нашу сторону еще одинъ султанъ, Селимъ-Гирей, и просилъ, до разрешенія перейти въ Крымъ, остатися въ Черноморіи, въ имѣющемся уже здѣсь татарской деревнѣ. Этотъ султанъ войсковымъ атаманомъ былъ принятъ и по собственному желанію приведенъ къ присягѣ на вѣрность подданства Россіи, и, такъ какъ онъ, убѣгая отъ преслѣдованія горцевъ, лишился за Кубанью всего своего имущества, то для продовольствія перешедшихъ вмѣстѣ съ нимъ татаръ, отпущенъ былъ отъ войска на первое время провіантъ.

Такъ переходили одни за другими татары изъ-за Кубани въ Черноморію и начали было селиться на другой сторонѣ лимана со стороны Титаровскаго куреня (селенія), но въ 1805 году всѣ они переселились на сказанную выше косу Азовскаго моря, гдѣ имъ было отведено для пользованія свободной земли примѣрно въ длину около 30 и въ ширину до 20 верстъ и дано для устройства домовъ лѣса изъ войсковыхъ дачъ на 1000 подводъ. Было даже предположеніе со стороны войскового начальства, что бы всѣхъ татаръ, живущихъ въ Черноморіи, зачислить въ казачье сословіе, но на это херсонскій военный губернаторъ не согласился.

При послѣднемъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто многіе татары ушли въ Крымъ, такъ что въ Черноморіи года черезъ два осталось мужскаго и женскаго пола только 121 душа во вновь устроенному селеніи. Эти инородцы 25 января 1807 года дали подписку, что они навсегда останутся въ Черноморіи.

Цыфра татарскаго народонаселенія постоянно мѣнялась, такъ какъ многіе изъ нихъ изъ Крыма возвратились вновь въ Черноморіе.

морю; поэтому въ 1808 году показывалось уже ихъ по спискамъ мужского пола 183 и женскаго 119 душъ.

Въ этомъ году таврическая казенная палата причислила всѣхъ жившихъ въ Черноморіи татаръ къ числу казенныхъ поселянъ Таврической губерніи, съ Высочайше дарованною иностранцамъ десятилѣтнею льготою; султану же и мурзамъ предложено было право искать по документамъ утвержденія въ дворянскомъ достоинствѣ, но какъ у одного, такъ и у другихъ письменныхъ доказательствъ на тѣ званія, какими они себя именовали, не оказалось; не было также доказательствъ и о томъ, что подвластные имъ крестьяне, именовавшіеся *ясыремъ*, действительно попали къ нимъ въ рабство изъ числа плѣнныхъ. Въ виду чего дѣло это было представлено на Высочайшее усмотрѣніе, и Его Величество именнымъ указомъ, даннымъ 28 марта 1808 года херсонскому военному губернатору, далъ знать, что укрѣпленіе такого рода людей безъ письменныхъ документовъ разрушаетъ связь и дѣйствіе российскихъ узаконеній. Въ виду этого таврическая казенная экспедиція всѣхъ татаръ, считавшихся крестьянами, зачислила тоже въ число вольныхъ казенныхъ поселянъ, о чёмъ послѣдовалъ указъ черноморской войсковой канцеляріи 12 октября того же года.

Зачисленіе татаръ въ казенные поселяніе черноморское войсковое начальство признало неправильнымъ, потому что люди эти живутъ на войсковой казачьей землѣ и пользуются земельными угодьями наравнѣ съ черноморскими казаками, — которымъ только и предоставлено право владѣть этой землей, а потому сдѣлало представление генералъ-лейтенанту Дюку де-Ришелье: или выселить этихъ людей, именуемыхъ казенными поселянами изъ Черноморія въ Таврическую область, или зачислить ихъ въ черноморское казачье войско. Въ числѣ сихъ татаръ было еще 20 душъ черкесовъ, перешедшихъ къ намъ изъ-за Кубани въ 1807 году и возвращавшихся въ означенномъ татарскомъ селеніи, которые тоже поступили въ русское подданство и дали присягу.

Въ концѣ 1809 года девять ногайскихъ семействъ изъ Черноморія перешли въ Крымъ, а остальные татары Высочайшимъ повелѣніемъ херсонскому губернатору, послѣдовавшимъ 22 марта 1810 года, исключены изъ податного званія казенныхъ поселянъ и зачислены въ войсковое сословіе черноморскихъ казаковъ. Такихъ мусульманъ оказалось 81 семейство, въ нихъ числилось мужского пола 191 и женскаго 144 души.

Войсковое начальство, не трогая татарскаго поселенія, приписало вновь зачисленныхъ въ казаки татаръ къ ближайшимъ куренямъ (войсковымъ селеніямъ) Титаровскому, Вышестеблевскому и Полтавскому для отбыванія воинской повинности, кто изъ нихъ

оказался способнымъ къ военной службѣ, а неспособныхъ въ строй опредѣтила на внутреннюю по войску службу. Но татары ни той, ни другой службы не отбывали,—считая таковую для себя не обязательной, принудить же ихъ служить наравнѣ съ черноморскими казаками не представлялось возможности потому, что высшее начальство не желало насиловать ихъ свободы, чтобы не дать имъ повода быть недовольными и при первомъ случаѣ уйти на турецкую сторону, откуда, они, зная наши пограничные расположенія, соединившись съ черкесами, могли причинить бѣдствія жителямъ Черноморія¹⁾.

Несмотря на это, войсковой атаманъ, имѣя въ виду, что зачисленіе татаръ въ казаки не приносить черноморцамъ пользы, а служить только во вредъ, уступкою имъ безвозвратно поземельныхъ угодій, сдѣлать представленіе о переводѣ безполезныхъ татаръ, числившихся только по имени казаками, во внутрь Россіи, но получилъ отъ командира Кавказскаго корпуса отказъ. Генералъ Ермоловъ 2 ноября 1820 года предписалъ атаману оставить проектъ переселенія татаръ изъ Черноморія до болѣе удобнаго времени и не налагать на нихъ такихъ повинностей, которыя казались бы имъ тѣгостными.

Ермоловъ не зналъ, или знать не хотѣть, что эти самовольные азіатцы не только ни въ чемъ не помогали черноморцамъ по службѣ, но даже не считали себя въ подчиненіи войсковому начальству и безъ всякихъ разрѣшеній начали устраивать новый поселокъ изъ привилегированного сословія, называя его дворянскими.

Въ 1823 году черноморскій войсковой атаманъ вновь возбудилъ ходатайство о переселеніи татаръ изъ войсковыхъ предѣловъ въ Россію, или хотя о переселеніи ихъ въ сѣверную часть Черноморіи, такъ какъ некоторые изъ татаръ начали уходить за Кубань и служить проводниками черкесамъ при набѣгахъ на нашу сторону для разоренія пограничныхъ жителей; вмѣстѣ съ татарами ходатайствовала онъ удалить и черкесовъ подалъе отъ Кубанской границы, такъ какъ послѣдніе находились въ однихъ условіяхъ съ первыми.

Корпусный командиръ, графъ Наскевичъ соглашался съ представленіемъ атамана и считалъ возможнымъ дать татарамъ и черкесамъ землю для поселенія на р. Кугоеѣ, граничившей съ территоріей войска донского; но противъ этого возсталъ командавшій военною частью въ Черноморіи генералъ Власовъ. Онъ находилъ, что указанная мѣстность не имѣеть удобствъ для

¹⁾ Тотъ же Архивъ. Дѣло войсковой канцеляріи 1803 г. № 197. Дѣло атаманское 1806 г. № 512.

поселенія азіатцевъ: иѣть тамъ ни рыболовныхъ мѣстъ, ни лѣса, ни камыша; кромѣ того, ихъ могутъ обижать недалеко кочевавшіе калмыки. Вмѣсто Кугоеи, Власовъ находилъ болѣе подходящимъ мѣсто на р. Ясеняхъ, гдѣ и рыболовство и лѣсъ ближе, и имѣется глина, изъ которой азіатцы могли бы дѣлать и выжигать кирпичъ для строеній. Минѣнія Власова не раздѣлять войсковой атаманъ Матвѣевъ; однако же спорилъ; поступившій же на его мѣсто генералъ Безкронный заявилъ высказанныя Власовымъ соображенія прямо неѣными уже по одному тому, что вооруженные закубанскіе выходцы не могли бояться безоружныхъ калмыковъ, имѣвшихъ въ рукахъ одну только плеть да арканъ, а о кирпичномъ производствѣ татары и черкесовъ и думать было нечего.

Долго тянулась переписка по данному предмету: Власовъ все тормозилъ дѣло, и только въ 1850 году татары были переселены въ Ейскій округъ на Горькую балку, близъ р. Ясеней. Мѣстность эта представляла изъ сѣбя низменность, покрытую солонцами, съ выступающею по временамъ изъ почвы горько-соленою водою, по случаю находившихся вблизи соляныхъ озеръ; прѣсная же вода добывалась изъ колодцевъ¹⁾.

Вновь устроенное татарское селеніе было названо *Ады*, но татары, обидѣвшись на насильное переселеніе съ одного мѣста на другое, недолго жили въ этомъ селеніи. Они въ 1859 и 1860 годахъ, съ разрѣшеніемъ главнокомандующаго, перешли за Кубань, а оттуда удалились въ Турію. За выходомъ этимъ въ селеніе Ады осталось только пять татарскихъ семействъ.

Войсковое начальство было поставлено въ затрудненіе, что дѣлать съ оставшимися въ опустѣвшемъ селеніи Ады татарами; сначала предполагалось заселить его пленными горцами, которыхъ много было взято въ 1863 году, во время военныхъ дѣйствій за Кубанью, но, сообразивши, что пленники были босы, голы и голодны, и сами собой не могли устроиться хотя бы и въ готовыхъ помѣщеніяхъ, оно рѣшилось размѣстить ихъ въ казачьихъ станицахъ на попеченіе станичныхъ обществъ, а самое селеніе Ады упразднить²⁾.

¹⁾ Тотъ же Архивъ. Дѣло Войскового атамана 1820 г. № 778, Управлениія Черноморск. Кѣрд. линіи, 1821 г. № 71, атаманскія 1830 г. № 1083, 1831 г. № 1212, Войсков. Хозяйств. Правлениія 1871 г. № 29.

²⁾ Тотъ же Архивъ. Дѣло Нижне-Кубанской Кордонной линіи, 1863 г. № 1461.

VI.

Переясловскій армянскій поселокъ.

Въ числѣ жителей Гривенскаго черкесскаго аула было много армянъ и грековъ, разновременно выходившихъ изъ-за Кубани въ Черноморію и селившихся въ этомъ аулѣ. Переходъ этихъ горцевъ на русскую сторону обусловливался не только притѣсненіемъ горцевъ на черкесскихъ земляхъ, но и материальными выгодами, которыя они старались извлечь изъ торговыхъ оборотовъ, которые за Кубанью не существовали. Когда же они выходили въ Черноморію, то здѣсь представлялось имъ широкое поле для промысловъй дѣятельности—среди черноморцевъ, съ одной, и черкесовъ, съ другой стороны. Болѣе коммерческими людьми оказывались армяне. Имѣя возможность запасаться товарами русскаго издѣлія, они снабжали ими черкесовъ на пограничныхъ мѣновыхъ рынкахъ и, взамѣнъ ихъ, получали отъ лосльднихъ сырье продукты: медъ, воскъ, масло, кожи и проч., которыми въ иѣсколько разъ оплачивались промынные горцамъ малоцѣнныя товары.

Нѣкоторые армяне, зная русскій и черкесскій языкъ, служили на Черноморской кордонной линіи переводчиками и посредниками при мѣновой торговлѣ русскихъ и черкесовъ, на открытыхъ нарочно для этого при нѣкоторыхъ постахъ дворахъ; служили также лазутчиками, доставлявшими нашему пограничному начальству разныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ закубанскихъ черкесовъ,—при чёмъ не рѣдко оказывались шпionами, дружившими и служившими обоимъ пограничнымъ народамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые армяне дѣйствительно тяготились своею жизнью за Кубанью, отсутствиемъ всего того, что поддерживало бы между ними христіанскую религію. Ни храмовъ Божіихъ, ни духовенства своего у нихъ не было и быть не могло. Живя между черкесами, армяне отвыкали отъ своего языка, а молодежь вовсе его не знала, и мало-по-малу всѣ закубанскіе армяне начали говорить по-черкесски.

Эти обстоятельства болѣе всего побуждали и грековъ къ переходу изъ-за Кубани на русскую сторону, такъ какъ торговыхъ и промышленныхъ способностей, которыми обладали армяне, греки не имѣли.

Первая партия армянъ переселилась на нашу сторону изъ-за Кубани въ 1824 году. Ходатаемъ за нихъ былъ Авагемъ Чентамировъ. Армяне эти, по принятіи русскаго подданства и при-

несеніи въ томъ присяги, поселились въ черкесскомъ Гривенскомъ аулѣ. Вторая партия изъ армянского аула, бывшаго на Псекупсѣ въ 45 верстахъ отъ Кубани, желая избавиться отъ притѣсненій абадзеховъ, заявили желаніе перейти на русскую землю въ 1839 году, но боясь, чтобы при этомъ переходѣ не разорили ихъ черкесы или не забрали въ плѣнъ, просили помощи у черноморского войскового атамана. По этой просьбѣ генераль-майоръ Рашиль послалъ за Кубань отрядъ изъ черноморскихъ казаковъ, гривенскихъ черкесовъ и мирныхъ горцевъ хамыпейского племени, подъ защитой которыхъ армяне въ числѣ 27 душъ мужского пола и 26 душъ женского подъ выстрелами абадзеховъ перешли на правую сторону Кубани и, по распоряженію войскового начальства, поселились особымъ ауломъ при рѣчкѣ Карапунѣ, возлѣ Пашковского куреня (казачье селеніе)¹⁾.

Такое отдельное поселеніе армянъ отъ прежнихъ ихъ единовѣрцевъ мотивировалось тѣмъ, что водворенные въ Гривенскомъ аулѣ армяне испытывали почти тѣ же лишенія и затрудненія въ религіозномъ отношеніи, что и за Кубанью. Въ виду этого генераль Рашиль, съ разрѣщеніемъ главнокомандующаго князя Воронцова, въ 1848 году выслалъ всѣхъ армянъ изъ Гривенского аула въ ближайшіе казачьи курени: Стародеревянковскій, Канивецкій, Брюховецкій и Переясловскій; въ послѣдній переселились и всѣ греки, жившіе между гривенскими черкесами. Но такимъ раздробительнымъ переселеніемъ армяне остались недовольны и подали прошеніе командующему войсками генералу Заводовскому о водвореніи ихъ всѣхъ вмѣстѣ, такъ какъ они, живя совмѣстно до того времени, вошли между собою въ родство и могли оказывать другъ другу помощь. Заводовскій нашелъ такую просьбу основательной, и въ концѣ того-же года всѣ разселенные армяне и греки, въ числѣ 33 семействъ, были водворены особымъ поселкомъ возлѣ Переясловской станицы, съ представлениемъ имъ права пользоваться земельными угодьями на равнѣ съ коренными жителями²⁾.

Въ этотъ же поселокъ переведены и тѣ армяне, которые были водворены возлѣ Пашковки, при Кубани.³⁾.

Такъ образовался Переясловскій поселокъ, въ которомъ впослѣдствіи селились всѣ армяне и греки, выходившіе изъ-за Кубани на русскую сторону.

Въ 1859 году, во время военныхъ дѣйствій съ горцами, пол-

¹⁾ Тотъ же Архивъ. Дѣла Черноморской Кордонной линіи, 1824 г. № 155, 1839 г. № 476.

²⁾ Тотъ же. Дѣла 1839 г. № 476; 1847 г. № 1066, 1848 г. № 1128 и 1855 г. № 1246.

³⁾ Тотъ же Архивъ. Дѣло Управл. Черномор. Корд. линіи 1858 г. № 1063. Войскового штаба 1859 г. № 2245.

ковникомъ Бабичемъ, въ одинъ разъ, было выведено изъ-за Кубани къ Черноморію 187 душъ армянъ, водворившихся въ Переясловскомъ поселкѣ¹⁾.

Какъ ни значительно было съ этого времени армянское Переясловское селеніе, но они жили попрежнему безъ молитвенного дома и священника. Очевидно, не бѣдность была тому причиной, а нечувствительность къ требованіямъ своей религіи, развившаяся при долголѣтній жизни между мусульманами, за Кубанью. Къ нимъ по временамъ только пріѣзжалъ священникъ армянской церкви изъ Екатеринодара; жившіе же вмѣстѣ съ армянами греки православнаго исповѣданія причислены были къ приходу русскаго Переясловскаго куреня.

Здѣсь только оказалась духовная рознь двухъ націй жителей Переясловскаго поселка, которая за Кубанью не была замѣтна. Въ то время какъ греки своевременно крестили дѣтей, напутствовали умирающихъ, отправляли погребенія чрезъ русскаго священника, армяне были лишены этого, и хотя исполнялись у нихъ трбы Екатеринодарскій священникъ ихъ исповѣданія и многие довольствовались такими посѣщеніями, но и между ними нашлись лица, начавшія роптать противъ отсутствія среди нихъ мѣстнаго духовенства.

Не желая, входить въ излишніе расходы, армяне вошли съ ходатайствомъ къ войсковому начальству о переселеніи всѣхъ ихъ изъ Переяловскаго поселка на Кавказскую линію въ Прочноокопскій армянскій аулъ, гдѣ у ихъ единовѣрцевъ было уже свое духовенство. Получивши отъ командующаго войсками разрѣшеніе, переяловскіе армяне весною 1860 года перешли на жительство въ сказанный аулъ, именовавшійся *Армавиромъ*, находившійся вблизи Прочноокопской станицы Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, на лѣвой сторонѣ Кубани²⁾.

Не всѣ однако жители Переяловскаго поселка переселились въ Армавиръ: зажиточные армяне, обзаведшіеся прочнымъ хозяйствомъ, а особенно тѣ, которые имѣли у себя крестьянъ и служили въ черноморскомъ войскѣ въ офицерскихъ чинахъ, или занимались крупными коммерческими дѣлами, остались на мѣстѣ; тамъ-же были и греческія семейства³⁾, но эти малочисленные поселенцы скорѣе имѣли видъ хуторскихъ жителей: Переяловскаго же поселка не стало.

¹⁾ Тамъ же. Дѣло Таманскаго Окружнаго Сыскнаго Начальства 1859 г. № 54.

²⁾ Тамъ же. 1859 г. № 124.

³⁾ Тамъ же. 1863 г. № 101.

VII.

Новоджерельевский ногайской поселокъ.

Nо времени образования Гривенского черкесского аула, въ немъ собралось разнородное населеніе. Коренными жителями считались черкесы, добровольно вышедшиа изъ Кубани на русскую сторону и принявшиа русское подданство; къ нимъ много прибавилось поселенцевъ тоже изъ черкесовъ; но уже не добровольно водворившихся въ русскихъ предѣлахъ, а изъ числа плѣнныхъ, которыхъ въ 1826 году сразу было поселено въ названномъ аулѣ 40 человѣкъ¹⁾). Кромѣ черкесовъ, тамъ же жили армяне, греки, татары и ногайцы.

При такомъ смѣшанномъ населеніи, у гривенскихъ жителей не могло быть единодушія въ общественныхъ дѣлахъ, отъ этого интересы жителей страдали, какъ при выборѣ должностныхъ лицъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Чтобы урегулировать болѣе правильно общественную жизнь черноморскихъ инородцевъ, войсковое начальство рѣшилось выдѣлить изъ Гривенского черкесского общества жителей другихъ націй, которые не были въ согласіи съ коренными поселенцами. Испросивъ разрѣшеніе главнокомандующаго князя Воронцова, войсковое начальство въ 1848 году образовало новый инородческій поселокъ при станицѣ Новоджерельевской, изъ 54 семействъ, татаръ и ногайцевъ, отдѣлившихся отъ гривенскихъ черкесовъ. При этомъ новымъ переселенцамъ на передвиженіе и устройство на новомъ мѣстѣ жительства оказано было вспомоществованіе со стороны близайшихъ казачьихъ станицъ. Кромѣ того, отведено было земли въ достаточномъ количествѣ на равнѣ съ коренными жителями Черноморія²⁾.

Въ теченіе лѣтъ десяти татары Новоджерельевского поселка жили спокойно, хорошо обстроились, успѣшно вели хозяйство, притѣсненій отъ казаковъ не терпѣли и, вообще, ни на что не жаловались. Народонаселеніе увеличивалось новыми горскими поселенцами, выходившими изъ-за Кубани подъ покровительство Россіи.

Насталъ 1859 годъ. Жители татарскаго селенія Ады взволновались и ушли изъ Черноморія за Кубань. Глядя на нихъ и новоджерельевскіе мусульмане пришли въ движенье. И, такъ

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1825 г. № 175.

²⁾ Тотъ же Архивъ. Дѣла: атаманское 1847 г. № 1966, Войскового штаба 1848 года № 1128.

какъ у посѣднихъ не было никакого повода быть недовольными русскимъ правительствомъ, то чтобы не возбудить преслѣдований войскового начальства противъ неблаговидныхъ своихъ на-мѣреній, они обратились съ просьбою о выдачѣ имъ заграничныхъ паспортовъ для путешествія въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета. Просьба ихъ была исполнена. Татары, получивши на руки билеты, забрали свои семейства и болѣе цѣнное имущество, въ числѣ 115 душъ подъ руководствомъ полковника Шеретлу-Оглу, переправились на лѣвую сторону Кубани, а оттуда ушли въ турецкія владѣнія и ужъ болѣе оттуда не возвращались въ Черноморію¹⁾.

Новоджерелѣевскій поселокъ опустѣлъ.

VIII.

Бытоваia сторона горскихъ поселенцевъ въ Черноморіи.



Закубанскіе горцы, переселившись въ Черноморію, вели образъ жизни тотъ же, что и за Кубанью. Жилища свои въ образовавшихся аулахъ, называвшихся у насъ селеніями, а впослѣдствіи даже станицами, устраивали по образцу закубанскихъ азіатцевъ; жилища эти русскими назывались саклями, или мазою. Описывать подробно эти помѣщенія нѣтъ надобности, такъ какъ они многими уже описаны въ специальныхъ изслѣдованіяхъ о жизни закубанскихъ горцевъ.

Впослѣдствіи, когда нѣкоторые изъ горцевъ, поступивши на русскую службу, дослужились до офицерскихъ чиновъ и дали образованіе своимъ дѣтямъ въ напихъ учебныхъ заведеніяхъ, то эти привилегированные горцы строили уже себѣ дома по русскому образцу и заводили у себя мебель и прочую русскую обстановку. Подъ конецъ жизни горцевъ въ Черноморіи даже нѣкоторые простые черкесы начали строить себѣ хаты русского образца съ стеклянными окнами и печами, заимствуя у сосѣднихъ казаковъ болѣе улучшенные предметы сельского хозяйства, чѣмъ существовали у нихъ до того времени.

Какъ черкесы, такъ татары и ногайцы жили мирно среди черноморскихъ казаковъ, занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. При этомъ первые, какъ жившіе въ степной мѣстно-

¹⁾ Тамъ же. Дѣло Войскового штаба 1859 г., № 2266.

сти, разводили фруктовые сады и много домашней птицы, отъ чего имѣли хороший доходъ; а послѣдніе, находясь у Бугазского лимана и морскихъ береговъ, занимались еще и рыболовствомъ; болѣе же зажиточные имѣли гребныя лодки, на которыхъ перевозили изъ Черноморіи въ Крымъ чрезъ Керченскій проливъ рогатый скотъ, овецъ, лошадей и другіе грузы; тѣ же, кто не имѣлъ у себя хозяйственнаго обзаведенія, шли на сторону въ зарботки,—чего не замѣчалось у черкесовъ¹⁾.

Въ каждомъ селеніи названныхъ инородцевъ имѣлась мечеть, гдѣ правовѣрные мусульмане молили Аллаха о ниспосланіи имъ всѣхъ благъ земныхъ среди гяуровъ въ гостепріимной Черноморіи и побольше прелестныхъ гурій въ будущемъ вѣкѣ²⁾.

Никто изъ русскихъ не мѣшалъ магометанамъ исполнять всѣ обряды, предписываемые кораномъ, и не требовалъ измѣненій ни въ вѣрѣ, ни въ обычаяхъ ихъ религіознаго свойства, за соблюденіемъ которыхъ наблюдало духовенство въ каждомъ селеніи, состоявшее при мечетяхъ.

Духовныя лица черноморскихъ магометанъ сначала были въ вѣдомствѣ оренбургскаго магометанскаго Духовнаго Собрания, но по отдаленности Оренбургскаго края отъ Черноморіи, въ 1843 году, по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, подчинены Таврическому Духовному Правленію, которое и утверждало избранныхъ магометанскимъ обществомъ лицъ въ званіи мулль и муэзиновъ³⁾.

Черкесы, находясь среди русскихъ, болѣе прочихъ магометанъ цивилизовались и не чуждались школьнаго образованія. У нихъ въ Гривенскомъ аулѣ была даже своя школа, въ которой преподавалось, кроме черкесскаго языка и закона Магомета, и русскій языкъ. Эта школа была открыта на средства купца Антимонова. Когда же въ 1833 году учебное начальство отняло у гривенцевъ проценты изъ капитала Антимонова, на которые содержалась школа, то ученье въ ней черкесскихъ дѣтей прекратилось, но и послѣ этого зажиточные черкесы отдавали своихъ сыновей для школьнай науки въ Полтавское приходское училище, а нѣкоторые даже и въ Екатеринодарскую войсковую гимназію⁴⁾.

Хотя закубанскіе выходцы, поселившіеся въ Черноморіи, и приняли русское подданство, но правительство не обязывало ихъ

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Войсковой Канцеляріи 1803 г. № 197, Таманскаго Окружнаго Съскнаго Начальства 1849 г. № 89.

²⁾ Тамъ же. Дѣло Войскового Атамана 1849 г. № 2046, 1853 г. № 2166.

³⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Атаманское, 1853 г. № 2166.

⁴⁾ Тамъ же. Дѣло войсковой канцеляріи 1833 г. № 879, Дѣло атаманское, 1851 г. № 2105.

слѣдовати во всемъ русскимъ законамъ,—за исключеніемъ однихъ только уголовныхъ преступленій, разбирающихся въ нашихъ судахъ; въ гражданскихъ же дѣлахъ всѣ черноморскіе магометане слѣдовали своему адату и шаріату, но такъ какъ свѣтскій обычный и духовный законъ, имѣвший много толкованій, не всегда было удобно принимать безапелляціонно на русской землѣ и благонамѣренные горцы признавали болѣе цѣлесообразнымъ русское гражданское судопроизводство, то обиженные неурѣдко въ важныхъ случаяхъ обращались за разрѣшениемъ спорныхъ вопросовъ къ русскому начальству. Такъ, напримѣръ, въ 1844 году одинъ молодой гривенскій чerkесъ Гачемидзъ обручился съ чerkешенкой дѣвицей Барамханъ, на что были согласны мать дѣвишки и два ея родные братья. Но на этотъ бракъ, по азіатскому обычаю, явилось препятствіе въ томъ, что Гачемидзъ былъ дворянинъ, а Барамханъ простого званія; но живя въ Черноморіи и видя подобнаго рода женитьбы у русскихъ, женихъ думалъ обойти свой адатъ. Мать невѣсты, тоже соглашалась на бракъ своей дочери съ Гамидзомъ, но потребовала отъ него чрезъ стороннее лицо присяги въ томъ, что онъ, женившись на Барамханъ не будетъ пренебрегать женой своей простаго званія, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ поступилъ на русскую службу и получилъ офицерскій чинъ. Такое требованіе заставило Гамида призадуматься; однако послѣ долгихъ размышеній онъ согласился, и съ посредникомъ, чerkесомъ Мусой, отправился въ домъ невѣсты и въ присутствіи ея матери и братьевъ далъ на коранѣ требуемую клятву, а въ знакъ зарученія тоже по чerkескому обычаю отдалъ свой пистолетъ брату Барамханъ и, кроме того, пообѣщался изнести за нея установленный въ Гривенскомъ аулѣ калымъ и тогда уже взять свою невѣсту въ жены.

Но кромѣ Гамида, еще раньше него, къ Барамханъ посватался чerkесъ Жаде, и въ залогъ этой заручки, далъ одинъ рубль денегъ. Справедливость своего сватовства Жаде подтвердилъ присягою.

Послѣ этого начался споръ за право обладанія невѣстою Барамханъ, которая и сама подтвердила заявленія Жаде. Собравшіеся на совѣтъ чerkесы присудили Барамханъ въ жены первому жениху Жаде, къ которому она вопреки воли матери и упала.

Такимъ судомъ по адату, Гамидзъ остался недоволенъ и дѣло по его претензіи поступило вновь на разсмотрѣніе чerkесскаго общества, по шаріату. Избранные „медіаторы“ потребовали отъ Жаде свидѣтельскихъ показаній въ томъ, что онъ дѣйствительно въ залогъ зарученія за Барамханъ отдалъ одинъ рубль. А такъ какъ онъ свидѣтелей не представилъ, то суды рѣшили дѣвицу Барамханъ не давать въ жены ни тому ни другому пре-

тенденту, а предоставить ея матери выдать свою дочь замужъ за третье лицо; а за то, что Жаде держалъ уже у себя Барамханъ, онъ долженъ дать ея матери въ видѣ штрафа пять головъ.

Послѣ этого Гамидзъ, оставшись недовольнымъ, перенесъ дѣло о женитьбѣ на Барамханъ въ русскій судъ, который принялъ во вниманіе, что хотя Жаде и посватался за Барамханъ прежде Гамидза, но безъ вѣдома ея матери и старшаго брата, а рубль отдалъ малолѣтнему брату своей невѣсты, а Гамидзъ, хотя сватался за ту же черкешенку и послѣ Жаде, но за то по согласію ея матери и старшаго ея брата, которому отдалъ и пистолетъ въ залогъ своего зарученія, а потому присудилъ отдать Барамханъ въ жены сему послѣднему.

Во время этого процесса и Барамханъ ушла отъ Жаде обратно въ свой домъ¹⁾, откуда поступила въ жены Гамидза.

Другой случай обращенія черкешенки въ русскій судъ, тоже по брачному процессу, заключался въ слѣдующемъ: По черкесскому обычаяу, вдова по смерти мужа вольна избрать себѣ вновь супруга по своему желанію; однако предоставляется жениться на этой вдовѣ и брату умершаго ея мужа, или другому родственнику, съ тѣмъ однако, чтобы будущій мужъ уплатилъ ей калымъ по ея назначенію и чтобы на такое замужество было согласіе самой вдовы.

Несмотря на это черкесское общество въ 1867 г. присудило вдову умершаго черкеса Конесафъ Дадуфа Сачъ выдать замужъ за брата умершаго Тугужа, бѣзъ всякоаго съ ея стороны согласія на этотъ бракъ и бѣзъ уплаты ей калыма. Тогда Сачъ, не желая быть женою Тугужа, обратилась въ Войсковой судъ Черноморскаго войска, который, разобравъ дѣло, отмѣнилъ рѣшеніе черкесскаго суда и предоставилъ названной вдовѣ выходить замужъ за кого она сама пожелаетъ²⁾.

Брачныя дѣла у азіатцевъ были едва ли не важнѣе всѣхъ прочихъ въ ихъ жизни. Не рѣдко горецъ рискуетъ попасть на кинжалъ при женитьбѣ бѣзъ согласія родителей невѣсты, или при соперничествѣ съ другимъ искателемъ руки ея. При обязательномъ уплатѣ калыма за жену не каждый горецъ въ состояніи уплатить положенное число головъ скота, а потому, чтобы добыть себѣ жену, такой бѣднякъ идетъ на нѣсколько лѣтъ въ работники, или отдаетъ роднымъ невѣсты въ калымъ все свое состояніе и потомъ, женившись бѣзъ средствъ къ жизни, не рѣд-

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло войскового Дежурства Черноморскаго войска, 1844 г. № 677.

²⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Таманскаго Окружного Съскаго начальства 1867 г. № 20.

ко добываетъ себѣ и женѣ содержаніе темными путями. Если же вслѣдствіе не предвидѣнныхъ обстоятельствъ онъ не можетъ достигнуть желаемой женитьбы, то жертвуя собой, не щадить и тѣхъ, кто стоитъ на его дорогѣ и препятствуетъ достигнуть желаемой цѣли.

Такой случай былъ въ 1846 году. Въ татарской станицѣ Ады долгое время проживалъ крымскій татаринъ Селимъ. Лѣтъ семь назадъ познакомился онъ съ мѣстнымъ жителемъ Эрижиномъ Мустафою, у которого была 10 лѣтняя дочь Кизджи. Дѣвушка эта нравилась Селиму, и онъ сдѣлали предложеніе ея отцу жениться на ней, когда она достигнетъ совершеннолѣтія. Предложеніе было принято съ тѣмъ только условіемъ, если Селимъ, будучи бѣдникомъ, будетъ отдавать будущему тестю все то, что будетъ зарабатывать до женитьбы, въ теченіе семи лѣтъ. Прошло семь лѣтъ, и Селимъ весь добытый потомъ и кровью заработокъ свой отдавалъ Мустафѣ въ уплату за будущую свою жену. Но, къ несчастью, жена Мустафы Тотучь не пожелала выдавать за Селима свою дочь,—хотя послѣдняя соглашалась быть его женою.

Взволнованный татаринъ настолько былъ пораженъ такимъ отказомъ, что отъ горя совсѣмъ потерялъ голову и рѣшился тайно увести свою невѣсту изъ дома ея родителей, чтобы вступить съ нею въ бракъ. Для этого онъ пришелъ въ домъ Мустафы, вызвалъ изъ-за ткацкаго станка Кизджи, которая въ знакъ согласія, какъ онъ говорилъ, дала ему въ руки висѣвшій въ сѣнцахъ кинжалъ. Но едва они вышли на улицу, какъ мать Кизджи выскочила со двора, погналась за ними и начала у Селима отнимать свою дочь. Селимъ, вѣнчаясь отъ горя и ярости пришелъ въ бѣшенство и, пылая местью, за разбитую жизнь, закололъ имѣвшимся у него кинжаломъ разлучницу и, не помня себя, сталъ наносить этимъ смертоноснымъ оружіемъ удары и упавшей безъ чувствъ на землю Кизджи, въ томъ будто-бы убѣженіи,—какъ онъ поспѣлъ объяснялъ,—что все убиваєтъ ту же Тотучь, отравившую навсегда его жизнь.

Такъ какъ Селимъ учинилъ уголовное преступленіе, то дѣло о немъ поступило въ русскій уголовный судъ, на которомъ Мустафа отъ полученія заработка Селима въ уплату калъма за Кизджи отказался и заявилъ, что онъ выдать свою дочь за Селима обѣщанія не давалъ; сама израненная Кизджи показала, что она не давала согласія Селиму выйти за него за мужъ и что онъ насильно увелъ ее изъ родительского дома и самъ взялъ въ сѣнцахъ кинжалъ, которымъ убилъ мать и изранилъ ее. Селимъ въ оправданіе свое доказательствъ не представилъ и былъ приговоренъ къ лишенню всѣхъ правъ состоянія, наказанію чрезъ

палача 70-ю ударами плети и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ¹⁾.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, съ какимъ трудомъ черноморскіе азіатцы добывали себѣ жену, но за то, когда имъ удавалось жениться, радости и веселію предѣловъ не было. Свадебное торжество ихъ проявлялось, большую частью, въ лихой джигитовкѣ молодежи на лошадяхъ. Эта опасная игра и веселіе не рѣдко оканчивались горемъ и слезами. Молодые горцы, разгоряченные выпитой бузой и огненными взорами черноокихъ красавицъ, продѣлывали на лошадяхъ самыя отчаянныя движения и не рѣдко ломали себѣ руки, ноги и сворачивали шеи, а на бывшей 26 декабря 1848 года свадьбѣ въ татарскомъ селеніи Ады, джигитовавшій черкесъ Лемахъ Турковъ, на крутомъ поворотѣ въ карьеръ, упалъ съ лошадью и уился²⁾.

IX.

Служба горцевъ въ Черноморіи.

Весь горцы, выходившіе изъ-за Кубани на русскую землю и селившіеся на территорії Черноморскаго казачьяго войска, хотя и причислялись къ жителямъ сего войска, на правахъ вольныхъ поселенцевъ и даже зачислялись въ казачье сословіе, но обязательной службы наравнѣ съ черноморскими казаками не несли. Но нерѣдко въ военное время, по своей доброй волѣ черноморскіе горцы вооружались и становились въ ряды казаковъ противъ закубанскихъ черкесовъ; иногда они, по вызову черноморскаго начальства, шли вооруженные на кордоны черноморскихъ казаковъ, въ зимнее время, на подкрѣпленіе границы и участвовали въ закубанскихъ отрядахъ напихъ войскъ.

Такіе всадники во время своей службы довольствовались провіантромъ отъ войска, получали фуражъ для своихъ лошадей тоже изъ войсковыхъ запасовъ, — и только; если же они долго оставались въ дѣйствующемъ отрядѣ, то прикомандировывались къ какой-нибудь военной части на полное довольствіе, полагавшееся нижнимъ чинамъ отъ войска и отъ казны.

Въ 1863 году, по вызову начальства, изъ ляя полусотни гривен-

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Войскового Дежурства 1846 г. № 65.

²⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Таманскаго Окружного Сыскнаго Начальства 1848 г. № 84.

скихъ черкесскихъ милиционеровъ служила въ Адагумскомъ отрядѣ прикомандированными къ Кубанскимъ и донскимъ полкамъ¹⁾.

Кромѣ временной службы русскоподданные черкесы и армяне изъ Черноморія поступали на постоянную службу въ Черноморскіе конные полки наравнѣ съ казаками и дослуживались нѣкоторые не только до офицерскихъ чиновъ, но даже и до генераловъ. Подобного рода службисты пользовались всѣми правами и преимуществами, присвоенными въ службѣ черноморцамъ²⁾.

Былъ случай, что въ 1849 г. гривенское черкесское общество само назначило на военную службу въ Черноморскомъ войскѣ нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Полтавскомъ черноморскомъ приходскомъ училищѣ. Изъ этихъ черкесовъ нѣкоторые достигли крупныхъ въ войскѣ офицерскихъ чиновъ³⁾.

Служба черноморскихъ горцевъ особенно была полезна въ тѣхъ случаяхъ, когда наши отряды, дѣйствуя за Кубанью противъ враждебныхъ горцевъ, шли для разоренія ихъ ауловъ въ горахъ, или отправлялись въ набѣги для той же цѣли съ кордонной линіи. Наши горцы, зная хорошо закубанскую местность, проводили войска иногда по такимъ трущобамъ, въ ночное время, по которымъ безъ опыта проводника никакъ нельзя было пройти. Нѣкоторые изъ благонадежныхъ азіатскихъ офицеровъ, заслуживавшіе особаго довѣрія, употреблялись войсковымъ начальствомъ для склоненія враждебныхъ азіатцевъ къ покорности русскому правительству и не рѣдко успѣвали въ этомъ; однако, такая покорность хищныхъ горцевъ во многихъ случаяхъ кончалась новой враждой.

Ко всему сказанному нужно еще добавить, что во время дѣйствій за Кубанью въ сраженіяхъ съ непокорными горцами наши милиционеры не лукавили. Они отличались особенной храбростью и отвагой, находясь впереди казаковъ, вступали смѣло въ бой съ своими единовѣрцами,—при чемъ дикіе возгласы тѣхъ и другихъ азіатцевъ были ужасны для слуха русского человѣка. Я самъ былъ очевидцемъ, въ одномъ изъ закубанскихъ походовъ, ожесточеннаго сраженія нашихъ черкесовъ съ враждебными азіатами; обѣ стороны били противниковъ изъ ружей и пистолетовъ безъ всякой пощады и рубились шашками.

Еще лучшимъ примѣромъ храбости, отваги и вражды на-

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Джубгскаго отряда, 1863 г. № 1.

²⁾ Тотъ же архивъ. Дѣла Войскового Атамана 1831 г. № 1210, 1832 г. № 1343, Управл. Черномор. Корд. линіи 1838 г. № 451, Войскового Штаба Кубанского войска 1846 г. № 824, 1870 г. № 3567, 1875 г. № 43.

³⁾ Тотъ же. Дѣло Войскового Штаба 1849 г. № 1252.

шихъ горцевъ къ закубанскимъ, можетъ служить лично мнѣ известный хорунжій Христофоръ Павловичъ Аслановъ (изъ закубанскихъ армянъ). Этотъ офицеръ, въ маѣ 1850 года, будучи въ походѣ за Кубанью съ нашимъ отрядомъ, былъ раненъ враждебными черкесами пулей въ правое плечо, съ раздробленіемъ кости. Не успѣвъ еще хорошо вылечиться отъ этого тяжкаго раненія, онъ осенью того же года вновь отправился съ отрядомъ въ походѣ за Кубань и при жестокомъ сраженіи съ непріязненными черкесами 12 октября вторично раненъ пулей въ грудь, съ переломомъ ребра. Первая пуля у Асланова хотя съ большимъ трудомъ, послѣ операции, была вынута, а вторая такъ и осталась въ груди. Наши доктора признали послѣднюю рану смертельную, но черкесскіе лѣкаря возвратили Асланова къ жизни, хотя пули изъ груди все-таки не извлекли. И послѣ этого страдальца Аслановъ долго еще жилъ съ закрытой пробкою въ груди дырой, изъ которой каждое утро выпускала гнойную матерію.

Такой исходъ смертельной раны наши доктора признавали рѣдкимъ явленіемъ въ медицинской практикѣ и, не входя въ оценку искусства черкесскаго лѣченія ранъ, приписывали продолжавшуюся жизнь Асланова одной только его тѣлесной крѣпости¹⁾.

X.

Права и преимущества Черноморскихъ горцевъ.

Выходившіе изъ-за Кубани въ Черноморію горцы принимались на русской землѣ и поступали въ подданство Россіи безъ всякого ограничения ихъ правъ и преимуществъ. Имъ предоставлялось жить на свободныхъ мѣстахъ территории войска Черноморского и свободно пользоваться казачьей землей наравнѣ съ коренными жителями, а отъ нихъ взамѣнъ ничего не требовалось.

Первый случай относительно определенія правъ состоянія закубанскихъ горцевъ въ Черноморіи, какъ, сказано выше, былъ вызванъ зачисленіемъ жившихъ въ селеніи Ады татаръ въ казенные поселеніе; но это определеніе Высочайшей властью было отмѣнено: зачислили ихъ потомъ въ казачье сословіе Черноморского войска, но они и казаками въ прямомъ смыслѣ не были,

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1852 г. № 1576.

такъ какъ казачьей военной и внутренней службы по наряду не отбывали, а если кто и служилъ изъ нихъ въ этомъ войскѣ, такъ только по своему желанію. Сами черноморскіе горцы считали себя вольными поселенцами, положенія своего по русскимъ законамъ не знали и знать не хотѣли.

Сами себя горцы въ Черноморіи дѣлили на три класса: привилегированными у чѣркесовъ считались князья и дѣоряне, а у татаръ и ногайцевъ мурзы; вторымъ—у тѣхъ и другихъ числились вольные люди, а послѣднимъ—были крестьяне, находившіеся подъ властью привилегированныхъ горцевъ, добытые ими по наслѣдству или покупкою во время ихъ жительства за Кубанью. Послѣднимъ классомъ людей первый классъ владѣль по обычному праву, существовавшему у закубанскихъ горцевъ. Съ переходомъ въ русское подданство, такое владѣніе считалось незаконнымъ.

Въ 1808 году, какъ сказано уже выше, были потребованы отъ черноморскихъ мурзъ документы на право владѣнія ими крестьянами и какъ таковыхъ не оказалось, то, по Высочайшему повелѣнію, крестьяне отъ нихъ отобраны и отпущены на свободу.

Горскіе крестьяне, или, какъ называли ихъ еще, *холопы*, имѣли въ своемъ положеніи нѣкоторое сходство съ русскими крѣпостными людьми. Они, считаясь подвластными своему владѣльцу, жили въ собственныхъ домахъ, имѣли свой скотъ и прочее хозяйство. По требованію владѣльца, они употреблялись на полевые работы и другія услуги, но никакихъ денежнѣхъ платежей своему господину не взносили, да деньги въ горахъ совсѣмъ не были въ ходу: ихъ замѣняли скотъ, оружіе и другія вещи. Крестьяне отъ одного владѣльца къ другому переходили по наслѣдству и продажѣ, но послѣдняя допускалась только съ согласія самихъ крестьянъ и то безъ раздробленія семействъ; представлялось также право крестьянамъ выкупаться на волю, уплативъ своему господину такую сумму, какую онъ назначить.

При продажѣ и покупкѣ крестьянъ, цѣна опредѣлялась по обоюдному согласію владѣльцевъ: такъ, напримѣръ, хороший рабочникъ цѣнился на наши деньги до 300 руб.: женщина дороже, девушка еще дороже и, смотря по красотѣ и нравственнымъ качествамъ, цѣна ея доходила до 1000 рублей¹⁾.

Такъ какъ горцы не были застрахованы отъ неправильныхъ дѣйствій по отношенію владѣльцевъ къ крестьянамъ, то и между ними происходили такія же злоупотребленія, какія случались и въ Россіи. Такой случай былъ и въ Черноморіи. Чerkесскій дво-

¹⁾ Тотъ же архивъ. Дѣло Войскового Правленія Кубанского казачьего войска 1864 г. № 3696.

рянинъ Боренъ купилъ за Кубанью крестьянина Сеинъ, заплатилъ за него прежнему владѣльцу одну женщину,—вѣроятно, негодную къ работѣ или старую,—и нѣсколько домашнихъ вещей. Этому Сеину въ Черноморіи у сultана Али, по смерти Борена, его вдова купила жену, за которую дала оставшіеся отъ мужа панцыры, шишаки, налокотники, двѣ сабли и два лука съ колчанами и стрѣлами. Всѣ эти купли и продажи производились безъ согласія крестьянъ,—какъ того требовалъ обычай горцевъ. Но жалобѣ другого крестьянина Смаила на своего владѣльца въ неправильномъ владѣніи имъ, Черноморскою Войсковою Канцелярію онъ былъ освобожденъ на волю, а жену его владѣлецъ все таки удержалъ у себя и только тогда отдалъ, когда Смаилъ выкупилъ ее за 25 штукъ своего рогатаго скота¹⁾). Слѣдовательно, и дробленіе семействъ горскихъ крестьянъ существовало. Кромѣ всего этого, есть достовѣрныя свѣдѣнія, что нѣкоторые горскіе владѣльцы при женитьбѣ давали своихъ крестьянъ безъ всякой съ ихъ стороны послѣднихъ согласія, въ качествѣ калыма за невѣсту, ея родителямъ,—чего также, по обычаю, не полагалось.

Кромѣ этихъ трехъ классовъ, у черноморскихъ горцевъ встрѣчались еще рабы, или такъ называемые ясыри, т. е. приобрѣтенные еще во время ихъ жизни за Кубанью, на войнѣ, когда враждовавшія черкесскія племена производили взаимные набѣги. Эти люди ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ не имѣли и находились у своихъ владѣльцевъ наравнѣ съ рабочимъ скотомъ.

Послѣдовавшее въ 1808 году Высочайшее повелѣніе обѣ освобожденіи крестьянъ, находившихся въ Черноморіи у тагарскихъ мурзъ, почему-то не было примѣнено къ привилегированному классу черкесскихъ и армянскихъ владѣльцевъ, у которыхъ также были крестьяне. Пришло, однако, время, когда и эти помѣщики лишились права на владѣніе не только крестьянами, но и рабами. Манифестъ Императора Александра II коснулся и горскихъ владѣльцевъ, находившихся въ предѣлахъ Кубанской области.

Когда послѣдовалъ Высочайший указъ Правительствующему Сенату о приведеніи къ однѣмъ общимъ гражданскимъ началамъ всего сельскаго населенія Имперіи, то главнокомандующій Кавказскою арміею приказалъ освободить отъ крѣпостной зависимости всѣхъ туземцевъ Кавказскаго края, именовавшихся холопами и ясырями, и предоставить имъ полную свободу.

¹⁾ Архивная справка Войсковой канцеляріи 7 Января 1830 г. № 785.

Такое приказаніе Великаго князя Михаила Николаевича было сообщено Наказному Атаману Кубанскаго войска въ іюлѣ 1864 года, и тогда же приведено въ исполненіе ¹⁾.

XI.

Выселеніе горцевъ за Кубань.

По положенію о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ, Высочайше утвержденномъ 1 іюля 1842 года, селеніе Ады и Гривенскій аулъ были включены въ число станицъ Черноморіи, и въ нихъ было введено станичное управление, въ такомъ же порядкѣ какъ и въ прочихъ казачьихъ станицахъ, съ выборомъ отъ общества должностныхъ лицъ, составлявшихъ станичное правленіе. Тѣмъ же положеніемъ, § 497, вмѣнялось въ обязанность мѣстному войсковому начальству собрать точныя свѣдѣнія о числѣ и происхожденіи жившихъ въ Черноморіи инородцевъ, законности ихъ правъ и преимуществъ и затѣмъ представить особое предположеніе на счетъ устройства ихъ служебныхъ обязанностей.

Требованіе это долго не исполнялось, и только, когда татары и ногайцы изъ Черноморіи удалились за границу, и станица Ады была упразднена, въ 1866 году войсковое начальство предложило жителямъ Гривенской станицы выселиться за Кубань въ военно-народные округа, образованные изъ покорившихся горцевъ во время окончанія войны съ ними на западномъ Кавказѣ; если же кто изъ гривенцевъ пожелаетъ остаться на всегда на мѣстѣ своего жительства, то долженъ зачислиться въ казачье сословіе съ потомствомъ, съ правами и обязанностями, присвоенными кубанскимъ казакамъ.

На это предложеніе гривенскіе черкесы отвѣтили просьбою оставить ихъ въ томъ положеніи, въ которомъ они до сего времени находились, при чемъ испросить имъ право на ту землю, на которой жили и пользовались всякаго рода угодьями, такъ какъ они занимали ее не самовольно, а съ соизволенія Императора Павла I, въ указанныхъ начальствомъ границахъ; кроме этого, не назначать ихъ на внутреннюю по войску службу, не облагать земскими повинностями, помимо своей станицы; потешевую же военную службу они желали отбывать, какъ и прежде, по требованію войскового начальства, во время войны.

¹⁾ Тамъ же. Дѣло Войскового Правленія 1863 г. № 3655.

Это заявление не могло быть принято. Гривенскимъ черкесамъ объявили: кто изъ нихъ зачислится въ Кубанское войско, или переселится къ закубанскимъ горцамъ, тотъ получить права и обязанности того сословія, къ которому припишется; тѣ же изъ жителей, которые, согласно своей просьбѣ, желаютъ оставаться на мѣстѣ безъ зачисленія въ указанныя два сословія, получать землю наравнѣ съ казаками, но должны будутъ оплачивать ее пошлиной въ такомъ размѣрѣ, какой будетъ впослѣдствіи опредѣленъ, и отбывать земскія повинности въ своемъ районѣ; отъ строевой и внутренней службы они будутъ освобождены, за исключениемъ времени, когда случится война съ Россіей: тогда они будутъ призваны на службу всѣ, кто только окажется способнымъ носить оружіе, подъ русскимъ знаменемъ,—при чёмъ тѣ всадники, которые будутъ участвовать въ войнѣ, будутъ освобождаться отъ поземельныхъ податей.

Предложеніе это гривенские черкесы принимали, съ тѣмъ чтобы не оплачивать пошлинами землю, предоставленную имъ прежде Высочайшею властью въ безмездное пользованіе..

Такъ протекло десять лѣтъ. Гривенскіе черкесы жили на мѣстѣ и по прежнему пользовались землею наравнѣ съ казаками. И, когда началось размежеваніе земли въ Черноморіи, то и на юргѣ Гривенской станицы, была выдѣлена земля въ указаныхъ на планѣ границахъ, по $17\frac{1}{2}$ десятинъ на душу мужского пола станичныхъ жителей, —всего удобной и неудобной въ количествѣ 4500 десятинъ 2000 квадратныхъ саженей. Этотъ надѣль формально отмежеванъ Гривенскому черкесскому обществу на основаніи мнѣнія Государственного Собрѣта 26 апрѣля 1869 года, Высочайше утвержденаго, и положенія, утвержденаго Намѣстникомъ Кавказскимъ 21 сентября 1874 года.

Въ 1876 году войсковымъ начальствомъ сдѣлано было вновь предложеніе гривенскимъ черкесамъ или зачислиться въ сословіе казаковъ войска Кубанского или, выселиться за Кубань въ аулы горцевъ, состоящихъ на особыхъ правахъ подъ властью Россіи. Но гривенцы ни того, ни другого не желали, а просили оставить ихъ на прежнемъ положеніи.

Послѣ этого было поручено темрюкскому уѣздному начальнику уговорить гривенское черкесское общество не противиться правительству. Полковникъ Калери, исполняя это порученіе, писалъ генералу Гурчину (Начальнику Войскового штаба), что убѣдить жителей о пользѣ для нихъ зачислиться въ казачье сословіе ему не удалось, хотя онъ болѣе всего на этомъ настаивалъ и требовалъ общественнаго приговора и, только, когда пригрозилъ, что при несогласіи ихъ ити въ казаки, имъ дадутъ земли

только по 7 десятинъ на душу, черкесы выдали требуемый приговоръ, который и былъ представленъ по начальству.

29 апрѣля 1878 года послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе Военнаго Совѣта о зачисленіи жителей Гривенской станицы въ войсковое сословіе Кубанскаго казачьяго войска. Это извѣстіе гривенцы приняли съ великою грустью и на общественномъ сходѣ заявили полковнику Калери, что они крайне сожалѣютъ о прежнемъ своемъ положеніи и только въ силу необходимости подчиняются волѣ Государя¹⁾.

Семь лѣтъ прослужили гривенскіе черкесы въ казакахъ, но далѣе не выдержали. Въ концѣ 1885 года началось броженіе умовъ у гривенскихъ жителей. Нѣкоторые фанатики и мѣстный мулла Батокъ Бжадзъ проповѣдывали, что всякий мусульманинъ, сообщающійся съ гяуромъ, самъ послѣднему уподобляется, и что по этому гривенскіе черкесы, поступивъ въ казаки и сообщаясь постоянно съ русскими казаками, стали уже гяурами. Въ виду де этого, во что бы ни стало, слѣдуетъ имъ освободиться отъ казачества,—хотя бы съ потерей нѣкоторыхъ правъ и благосостоянія: за то предстать на судъ Божій истыми магометанами;—такъ какъ на этотъ судъ возстанетъ всякий въ качествѣ того, съ кѣмъ равняется, а равняющійся съ русскими казаками предстанетъ гяуромъ; мулла добавлялъ еще, что преподаваніе въ школѣ русскаго языка не угодно богу, всячески отбивалъ охоту у молодаго поколѣнья къ ученью по-русски въ станичной школѣ, открытой въ Гривенской станицѣ.

Возмутительныя рѣчи муллы возымѣли свое дѣйствіе: черкесское общество не стало принимать въ свой кругъ на совѣщаніе тѣхъ азіатцевъ, которые назывались казаками: ихъ называли свиньями, гяурами, богоотступниками и даже не пускали въ мечеть.

Волнуемое недоброжелателями, гривенское станичное общество приговоромъ, составленнымъ 21 октября того года, возбудило ходатайство объ исключеніи гривенскихъ черкесовъ изъ казачьяго званія, съ предоставлениемъ тѣхъ правъ, которыми пользуется закубанское горское населеніе Кубанской области. Мотивомъ своей просьбы черкесы ставили: незнакомство ихъ съ казачьимъ положеніемъ, что у нихъ прежде понятіе о казакѣ было только какъ о воинѣ, а впослѣдствіи обнаружились такія обязанности казака, которыхъ они вмѣстѣ съ русскими не могутъ выполнять, какъ по тяжести самаго выполненія предъявляемыхъ начальствомъ требованій къ казакамъ, такъ и по религіознымъ причинамъ, воспрещающимъ магометанамъ единеніе съ право-

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1875 г. № 48.

славными русскими. Нарушеніе въ казачьей службѣ обрядовъ и догматовъ своей религіи поставило ихъ въ непріятнѣя отношенія съ закубанскими горцами, смѣшивающими понятіе объ ихъ казачествѣ съ христіанствомъ. Въ виду чего ни за какой казы не соглашаются выдавать замужъ своихъ дочерей за гривенскихъ молодыхъ людей, которые, не отыскивая себѣ невѣсть, среди своихъ односельцевъ, почти поголовно при малочисленности своей, породнившись, остаются безсемейными и чрезъ то, для нихъ трудовая жизнь хлѣбопашца и воина является безцѣльной, угрожаетъ обѣднѣніемъ населенія станицы и распущенностью нравовъ жителей ея,—что крайне позорно для правовѣрныхъ мусульманъ.

Такъ писали гривенские черкесы въ своемъ прошениі на Высочайшее имя. Прошеніе было представлено начальникомъ Кубанской области Главноначальствующему Гражданской частью на Кавказѣ,—съ мнѣніемъ объ исключеніи просителей изъ казачьяго сословія и переселеніи ихъ за Кубань, съ предоставлениемъ имъ правъ, какими пользуется закубанское горское населеніе.

По представленію этому послѣдовало Высочайшее утвержденіе 7 августа 1888 года положеніе Военнаго Совѣта объ упраздненіи Гривенской черкесской станицы, исключеніи жителей ся изъ казачьяго сословія и разселеніи ихъ по горскимъ ауламъ, находящимся за Кубанью, съ отобраніемъ отъ нихъ оружія и обращеніемъ земли, которую гривенцы пользовались, въ войско-вой запасъ.

Все это было тогда же исполнено, за исключеніемъ только самаго переселенія гривенскихъ черкесовъ за Кубань, на что войсковое начальство получило отъ гривенцевъ вполнѣйшій отказъ. Эти черкесы не хотѣли трогаться съ мѣста, гдѣ у нихъ были дома, хозяйство и заведенные издавна сады и рощи. Они слали прошеніе за прошеніемъ и министру, и Государю, и Государынѣ, слезно моля не разорять ихъ переселеніемъ, и оставить на мѣстѣ наложеніи вольныхъ поселянъ, но видя, что просьба ихъ оставляется безъ послѣдствій, заявили желаніе вновь остаться въ казачьемъ званіи, лишь бы только не итти за Кубань. Однако было уже поздно. Правительство не стало мѣнять своихъ постановленій изъ-за прихоти черкесовъ¹⁾.

Вся эта черкесская исторія тянулась четыре года и только осенью 1892 года была прислана въ Гривенскую станицу воинская часть казаковъ, которые силою заставили черкесовъ итти за Кубань, а непослушныхъ знакомили съ казацкими нагайками.

¹⁾ Архивъ Кубанского Областного Правленія. Дѣло 1 отдѣленія 3 столѣтія 1885 г. № 320.

Такъ закончилось долголѣтнєе пребываніе закубанскихъ горцевъ въ Черноморіи, куда они во время Кавказской войны, угнетаемые своими единовѣрцами, выходили, отдаваясь подъ покровительство Россіи.

Теперь мы можемъ поставить вопросъ, какую пользу принесли горскіе поселенцы черноморцамъ, которые оказали имъ широкое гостепріимство? При полной свободѣ дѣйствій и льготахъ по земскимъ повинностямъ, они пользовались безъ всякихъ стѣненій земельными угодьями, наравнѣ съ кореннымъ жителями Черноморіи,—и за все это изрѣдка по своему желанію, поступали въ ряды казаковъ на службу, участвуя въ дѣлахъ противъ горцевъ, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, небольшими командами, до полусотни человѣкъ, а больше по одиночкѣ¹⁾). Вотъ всѣ услуги и благодарность горскихъ поселенцевъ въ Черноморіи за всѣ благодѣянія, оказанныя имъ нашимъ правительствомъ.

Взглянемъ на оборотную сторону медали и посмотримъ, какой вредъ происходитъ отъ поселившихся въ Черноморіи закубанскихъ выходцевъ. Эти горцы, считаясь русскоподданными, имѣли дозволеніе отлучаться за Кубань по разнымъ своимъ дѣламъ. Такія отлучки иногда заключали въ себѣ коварные замыслы передать враждебнымъ горцамъ обстоятельства свѣдѣнія о расположениіи войскъ на нашей кордонной линіи и слабыхъ мѣстахъ кордонной стражи, — чѣмъ пользуютесь, враждебные черкесы производили набѣги на нашу сторону и разоряли пограничныхъ жителей. Обѣлавши свои дѣла за Кубанью, наши горскіе поселенцы преснокойно возвращались въ свои жилища въ Черноморіи; если же замѣчали, что ихъ злодѣянія стали известны кордонному начальству, то, опасаясь наказанія за свое шпіонство и руководительство, навсегда оставались за Кубанью.

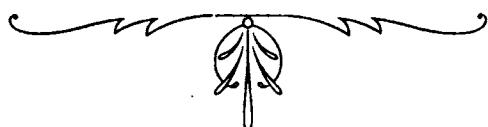
Бывали случаи, что гривенскіе черкесы, сдѣлавъ какое-нибудь уголовное преступленіе, на мѣстѣ своего жительства, убѣгали за Кубань и по пути своего слѣдованія убивали встрѣчавшихся имъ нашихъ казаковъ.

Но еще больше вреда приносили горскіе поселенцы въ Черноморіи укрывательствомъ закубанскихъ разбойниковъ. Слыхалось такъ: партія черкесскихъ злоумышленниковъ, переправившись черезъ Кубань, была замѣчена нашей кордонной стражей, ставившейся слѣдить за ней на нашей сторонѣ, чтобы не дать совершить грабежа или на обратномъ пути изловить хищниковъ, при переправѣ черезъ Кубань. Тогда хищники, скрывавшіеся

¹⁾ Такія услуги были только со стороны вышедшихъ изъ-за Кубани въ Черноморію черкесъ и армянъ, а отъ татаръ и ногайцевъ, вовсе не было услугъ и благодарности.

нѣкоторое время въ густыхъ камышахъ при кубанскихъ плавней, пробирались въ жилища соплеменниковъ и находили тамъ надежное убѣжище отъ преслѣдованія русскихъ и радушное гостепріимство, до тѣхъ поръ, пока при удобномъ случаѣ, наши горцы не находили возможности съ помощью разныхъ ухищреній провести этихъ грабителей и разбойниковъ чрезъ пограничную линію за Кубань, что дѣлали съ необыкновеннымъ искусствомъ¹⁾.

Почетн. членъ Я. И. Короленко.



¹⁾ Кубанскій Войсков. архивъ. Дѣла Управл. Черномор. Корд. линіи, 1821 г. № 91, 1846 г. № 808.